

Т. КОРНЕВ

НЕ АЕТ АА
ТОМ 1

Резонанс

Павел Корнев
Нелегал. Том 1

«Автор»

2023

Корнев П. Н.

Нелегал. Том 1 / П. Н. Корнев — «Автор», 2023 — (Резонанс)

Близится двадцатый день рождения, подходит к завершению второй курс, давно превзойдён изначальный пик сверхспособностей. И пусть до нынешнего потолка ещё расти и расти, перед тобой уже открыты все пути и дороги. Всего-то и остаётся, что сделать правильный выбор. Ну а ещё – не дать себя сожрать и не оказаться зачисленным в разряд допустимых потерь. Слишком уж масштабные изменения происходят в стране. В сторонке не получится отсидеться никому, глобальные перемены затронут решительно всех, а тебя – так и подавно, ведь ты уже в игре. И кто знает, получится ли удержаться на гребне волны или погребёт под собой и утянет на самое дно девятый вал интриг и проблем?

© Корнев П. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая: Импликация	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Павел Корнев

Нелегал. Том 1

Часть первая: Импликация

Глава 1

Здоровый сон – великое дело. Далеко не всякий сможет провести на ногах без малого трое суток, а уж контролировать при этом состояние внутренней энергетики, собственной и подопечных операторов, – так и подавно. Ну а если присовокупить ко всему прочему беспрестанную суету, нервотрёпку и сильнейший стресс, ситуация и вовсе получится совершенно безрадостная. И не имеет ровным счётом никакого значения, сколь ты вынослив – предел прочности есть у любого. Природу не обмануть.

Лично я не стал и пытаться. Как пришёл домой, так сразу и завалился спать, а проснулся уже только на следующий день ближе к полудню. Голова была ясная-ясная, порезы, ушибы и ожоги тоже особо не беспокоили, а вот о своей энергетике такого, увы, сказать было нельзя. Да и в целом самочувствие оставляло желать лучшего. Так и ломало всего.

Начал я с разминки и растяжки, затем включил грампластинку с ритмом гармонии источника-девять и какое-то время медитировал, пытаюсь обрести внутреннее равновесие и перенести на подсознательный уровень технику адаптации к излучению Эпицентра, от чего за время командировки в столицу успел в силу ненужности отвыкнуть. Потом сходил в уборную на этаже, облегчился, умылся и побрился, а заодно принял контрастный душ, благо все раны поджили и в повязках больше не было нужды.

Почувствовал ли я себя после этого отдохнувшим, бодрым и полным сил?

Не совсем.

Для этого понадобилось выпить литр крепчайшего чая и смолотить оставленный для меня на кухне завтрак. Яичница подгорела, явно Попович жарил, а не его подруга, но оно и понятно: у медиков начались горячие деньки, точно на работе днюет и ночует. Пусть точная специализация Милены и оставалась для меня загадкой, но я нисколько не сомневался, что работа найдётся даже для тех, кто подвизается в чистой психиатрии. Ну а как иначе? Кое-кому из доставленных в Новинск операторов мозги вправить точно не помешает. Неспроста же некоторых весь перелёт под блокиратором держали.

Впрочем, подгорела яичница – не подгорела, никакой роли это не сыграло, позавтракал я с превеликим удовольствием, после кинул взгляд на термометр за окном и отправился перебирать одежду. Воздух за бортом прогрелся до плюс восемнадцати, но ограничиться прогулочными брюками и рубахой с коротким рукавом сегодня не было никакой возможности. Окольцевавший левое предплечье ожог только-только начал подживать, полоса воспалённой кожи бросалась бы в глаза каждому встречному-поперечному, вот и пришлось надевать сорочку.

После я убрал в шкаф коробочку с запонками и зажимом для галстука и задумчиво взвешивал в руке стопку пятидесятирублёвых банкнот. Альберт Павлович настоятельно рекомендовал не демонстрировать внезапно возросшее благосостояние, но он же говорил о необходимости привести в порядок гардероб, так что сомневался и колебался я недолго. Сунул деньги в карман, обулся, нацепил летнюю кепку и покинул квартиру. Пока запираю дверь, внимательно прислушивался, всё было тихо. Соседи по этажу давно ушли на работу, и я спокойно поднялся на чердак. Хранить все яйца в одной корзине категорически не хотелось, вот только

ничего иного мне сейчас попросту не оставалось. Пришлось спрятать деньги в тайник, оставил при себе только шесть сотен.

Ха! Только!

Пока спускался, размышлял об аренде сейфовой ячейки, но никаких конкретных действий на сей счёт решил пока что не предпринимать. На улице постоял и огляделся по сторонам, затем сунул портфель под мышку и потопал в сторону бульвара Февраля.

Особого усиления режима не заметил, но и обычной ситуацией было не назвать. Витало в воздухе вполне ощутимое напряжение, чувствовалась нервозность. Что удивило и даже поразило – из многих окон были вывешены флаги и не только республиканские, РСДП и Февральского союза молодёжи, но и красные полотнища пролетарских бригад. Барышни сплошь и рядом щеголяли алыми косынками, не раз и не два замечал и галстуки скаутов.

У столбов с тарелками громкоговорителей толпились горожане, они живо обсуждали последние известия, и я даже сделал несколько остановок, но ничего нового о ситуации в западных регионах страны не узнал. Официальные сообщения устарели, а слухи и сплетни, напротив, изрядно опережали реальный ход событий. Кто-то болтал о броске республиканских сил на Средин, кто-то шептался об отступлении наших к Рифейскому хребту.

Судили и рядили о последних событиях и на верандах кафе, и на трамвайных остановках, но совсем уж откровенных паникёров было немного, а одного такого усадили в служебный вездеход и увезли, надо понимать, «куда следует».

Помимо моих бывших сослуживцев по комендатуре поддержанием общественного порядка занимались и выведенные на улицы бойцы ОНКОР, но эти не патрулировали городские кварталы, а стояли на блокпостах и лишь проверяли автотранспорт, да и то выборочно. Попадалась на глаза и бронетехника, а ещё бдительно поглядывали по сторонам люди в штатском с красными нарукавными повязками. Как оказалось – дружинники.

Выяснил я это, когда меня остановили для проверки документов. Они изучили мой студенческий билет, я – выписанный комендатурой мандат их звеньёвого, за сим и разошлись.

Пока добрался до бульвара Февраля, пришлось ещё дважды пообщаться со стражами порядка, но всякий раз проверки носили чисто формальный характер, много времени на них не ушло. Других прохожих, чем-то вызвавших подозрение бойцов, мурыжили несравненно дольше, а меня оба раза отпускали сразу после того, как кто-то из патруля связывался с дежурным по городу. Да оно и понятно – всё же старшина ОНКОР. Или это приписку напротив фамилии поставили, что в Службу реабилитации мобилизован, а цепляться к медикам – дурной тон. В памяти ещё были свежи наставления Вовы-футболиста о том, что конфликты с медперсоналом чреваты самыми серьёзными неприятностями.

Блуждать на бульваре Февраля по многочисленным магазинам готового платья и швейным ателье я не стал, вместо этого сразу заглянул в универмаг, куда Инга водила меня покупать пальто. Присмотрел там костюм неброской серой расцветки, прямо на месте и о подшиве штанин по длине договорился. Заодно приобрёл новую тёмно-синюю сорочку и пару чёрных ситцевых трусов, а вдобавок к ним взял полдюжины пар носков – на всё про всё потратил три сотни целковых.

Заодно сбегал на главпочтамт и отбил домой короткую телеграмму с сообщением, что из командировки вернулся до начала беспорядков и у меня всё хорошо. Заказывать телефонные переговоры не стал даже и пытаться – очереди к кабинкам, такое впечатление, занимали ещё с вечера. Впрочем, я и без того знал, что с родными полный порядок, поскольку за время моего отсутствия отец прислал несколько телеграмм.

Купив в газетном киоске свежий номер «Февральского марша», я вернулся в универмаг и в ожидании подшива брюк просмотрел посвящённые текущей обстановке статьи, но – увы и ах! – никакой достоверной информации о происходящем в столице и на западных рубе-

жах республики в новостных статьях найти не смог. Это откровенно напрягло. Подумал даже, что все бравурные реляции и призывы к сплочению гражданского общества запросто могут оказаться из разряда песенки о делах некоей прекрасной маркизы.

Хотелось бы ошибиться, только где конкретика? Конкретика где?!

Зараза! Мне б обратно...

Но повздыхал-повздыхал да и заставил себя успокоиться. Тут как раз и брюки подшили, так что принарядился, а старую одежду убрал в портфель. Кепка, кожаные перчатки и туфли с новым костюмом неплохо гармонировали, и пусть сам он моему оставшемуся в столице парадно-выходному наряду откровенно уступал, зато прекрасно заменил изгаженный обычный. На учёбу ходить – лучше и не нужно.

При этом я прекрасно отдавал себе отчёт, что шансы получить оставленный в «Астории» багаж попросту ничтожны, поэтому одной только этой обновкой не ограничился и от универмага отправился в частное ателье, где в своё время по наводке Карла и сшил оставленный в столице костюм. Располагалось то на полпути к институту, не пришлось даже делать крюк. Пока шагал по бульвару, внимательно поглядывал по сторонам, но ничего из ряда вон за всю прогулку так и не заметил – жизнь шла своим чередом, разве что куда назойливей прежнего вели себя продававшие газеты мальчишки. В остальном же обычный для центра Новинска день: уверенные в себе молодые люди, нарядные барышни, дорогие рестораны и открытые веранды заведений попроще, музыка, смех.

А где-то шла война и гибли люди. В голове это у меня категорически не укладывалось, и я решил сегодня же переговорить с доцентом Звонарём об отправке на фронт. Ну какой здесь от меня прок, ну в самом деле? Да от любого студента-медика пользы в разы больше!

Некстати вспомнилось требование Лизаветы Наумовны позвонить, и я свернул на боковую улочку, зашёл в аптеку. Купил там стакан газоды без сиропа, выдул его в несколько длинных глотков и после трёх безуспешных попыток дозвониться до горбольницы всё же сумел пробиться к Лизавете. Рассчитывал отвертеться от визита к ней под предлогом дежурства, но дамочка оказалась в курсе моего графика, пришлось обещать быть.

Изначально в швейном ателье я собирался лишь записаться на снятие мерок, но у портного случилось неожиданное окно, и его скучавший за разгадыванием кроссворда помощник предложил, как он выразился, обстригать всё, не откладывая дело в долгий ящик.

– Здравствуйте, Борис Маркович! – поприветствовал я лысоватого старика.

– Кто вас так ужасно одел? – отозвался тот с характерным акцентом. – Молодой человек, вы делаете моим глазам больно!

– Отличный костюмчик! – парировал я, ничуть не смущённый неожиданным заявлением портного.

– Он ужасен! Хотите подогнать его по фигуре? Нет и ещё раз нет! Проще построить новый!

«Проще, но сильно дороже», – едва не ляпнул я в ответ, еле сдержался.

– Вот именно за этим и пришёл, – заявил вместо этого.

– О-о-о! – протянул мастер. – Отрадно видеть, что хоть у кого-то в этом городе сохранился здравый смысл!

Я повесил пиджак на плечики, тогда Борис Маркович принялся снимать мерки и время от времени озвучивать какие-то числа помощнику. Я его от работы не отвлекал, уже после только спросил:

– А как вообще обстановка в городе? А то я две недели в командировке проторчал...

– Я вам справочное бюро? – фыркнул портной, но тут же махнул рукой. – Да какая тут может быть обстановка? Сами будто не видите! Одни уже салом пятки смазали, другие костюмы шить передумали, решили денежки на чёрный день приберечь. Будто от них на том

свете хоть какая-то польза будет! А хороший костюм всегда пригодится! В нём и на скамье подсудимых сидеть уместно, и в гробу лежать незастенчиво!

– Ну скажете тоже!

– И скажу! И вот что я вам ещё скажу, молодой человек: если всё так пойдёт и дальше, то спрос останется только на мундиры и полосатые робы, а с этим не к Борису Марковичу! Борису Марковичу придётся зубы на полку класть!

Я усмехнулся.

– Ну почему же не к вам? Станете генералов да полковников обшивать.

– Бросьте, молодой человек! – фыркнул старый мастер. – Если только майоры к старику захаживать станут... – Он вздохнул. – Но не будем о печальном. Поговорим о вашем будущем костюме!

Я примерно представлял, что именно хочу получить за свои деньги, но когда изложил эти пожелания портному, тот безапелляционно отрезал:

– Шить будем из айлийской шерсти! – И принялся демонстрировать отрезки ткани. – Так и никак иначе! Вопрос исключительно в расцветке!

– Непатриотично из айлийской-то, – заметил я, отнюдь не горя желанием раскошелиться на столь недешёвый материал.

– Непатриотично с голым задом ходить! – отрезал Борис Маркович. – А за те деньги, что я прошу, это чистый трофей! Не думайте даже!

Я и не стал. Остановил свой выбор на тёмно-синей ткани с узкой оранжевой полоской, столковался о цене, внёс в качестве задатка триста рублей и поспешил в институт. Начинало поджимать время, так что – бегом, бегом, бегом!

Но прямо вприпрыжку я по тенистому бульвару конечно же не припустил, просто ускорил шаг, да принялся помахивать зажатым в руке портфелем. Непонятный гул расслышал за три квартала до главного корпуса института – вроде как начали доноситься отголоски криков и скандирований заполонивших трибуны болельщиков, но городской стадион находился совсем в другой стороне, да и до спортивных сооружений студгородка оставалось ещё топтать и топтать. Дело было точно не в футбольном матче.

Вспомнился гомон толпы на несанкционированном митинге, в разгоне которого я принимал участие совсем не так давно, и разом сделалось не по себе.

Неужто снова беспорядки начались?

А как же усиление режима?

Куда комендатура смотрит?!

Но нет – на сей раз митинг определённо был согласован с властями и вполне возможно даже – ими инициирован. А уж студсовет к его организации приложил руку совершенно точно.

Народу на площади перед главным корпусом собралось видимо-невидимо, в отличие от прошлого раза столпотворение начиналось ещё на прилегающих к ней улочках. Лозунги митингующих сливались в неразборчивый гул, а над собравшимися тут и там реяли полотнища: республиканские и красные, с символикой Февральского союза молодёжи и скаутского движения и даже ОНКОР. Более того – сразу несколько десятков человек, наплевав на запрет на задействование сверхспособностей вне специально отведённых на это мест, левитировали над площадью с флагами РИИФС.

Сотрудники комендатуры присматривали за манифестацией со стороны, а ещё тут и там в толпе мелькали люди в штатском с нарукавными повязками. Я не рискнул пробираться напрямик через площадь и двинулся в обход, но запружен молодыми людьми оказался и сквер перед центральным входом, пришлось делать крюк до служебной проходной.

Там-то меня и обрадовали срочным вызовом в Бюро оперативного реагирования.

– К кому? – уточнил я, подозревая, что уже знаю ответ на этот вопрос.

– Дежурный подскажет, – прозвучало в ответ.

«Вечно всё через одно место», – мысленно ругнулся я и отправился за новой порцией неприятностей. Уж в чём-чём, а в этом сомнений не было ни малейших, да так оно и вышло. Дежурный сообщил, что вызвал меня начальник управления физической защиты. Ещё и ждать пришлось полчаса, пока наконец соизволит принять Вяз.

– Старшина Линь по вашему приказанию явился! – объявил я, переступив через порог.

– Дверь закрой! – потребовал начальник управления физической защиты. Садиться он не предложил, сразу взял быка за рога: – Линь, меня совершенно не устраивает твоё отсутствие на рабочем месте! – выдал он, подавшись вперёд. – В условиях вооружённого мятежа это не просто недопустимо, но и преступно!

Я промолчал. Апеллировать к мобилизационному предписанию и блять об экстренной необходимости и приказах вышестоящего начальства не было никакого смысла, поскольку меня сюда не оправдания слушать вызвали.

– Что молчишь, Линь? – продолжил напирать Вяз. – Ты хоть понимаешь, что своим отсутствием ставишь под угрозу жизни сослуживцев и студентов? Пока ты числишься откомандированным, я на твоё место никого поставить не могу! А твои товарищи уже зашиваются! Не стыдно тебе?

– Стыдно! – соврал я и одним лишь только этим подтверждением ограничиваться не стал, опередил уже открывшего рот собеседника, добавив: – Я при первой же возможности сообщу о сложившейся ситуации подполковнику Звонарю и подам ему рапорт о возвращении к несению службы в Бюро!

Вяз раздражённо засопел, кинул взгляд на лист писчей бумаги и забарабанил пальцами по столу.

– Не думаю, что это будет уместно... – проговорил он, сбавив обороты, помолчал немного и продолжил: – Оптимальным мне представляется твой перевод в Службу реабилитации на постоянной основе!

– Доведу вашу точку зрения до подполковника, – пообещал я.

– Об исполнении доложишь завтра! – потребовал начальник управления.

– Будет исполнено! – выдал я и добавил: – Приложу все усилия!

И вот насчёт последнего своего утверждения я душой несколько не покривил. Едва ли сумею попасть на приём к Звонарю в столь сжатые сроки, но и саботировать выполнение приказа я тоже отнюдь не собирался. Мне и самому было о чём с Макаром Демидовичем переговорить, тянуть с этим я не собирался.

Вяз миг помедлил, сверля меня напряжённым взглядом, потом раздражённо махнул рукой:

– Свободен!

Я незамедлительно покинул кабинет и завернул в ректорат сдать командировочное удостоверение. Затем поспешил в лабораторный корпус, где после недолгих препирательств с отвечавшим за составление графика младшим научным сотрудником требовал с него допуск в процедурные по своему прежнему расписанию.

– Я сегодня быстро! – пообещал я и рванул в раздевалку.

По пути то и дело ловил на себе заинтересованные взгляды, но взглядами всё и ограничилось, никто из персонала с расспросами о командировке приставать не стал. Определённо ещё о гибели Вдовца не знали, иначе бы точно не сдержались.

Быстро переодевшись, я накинул на обожжённое предплечье полотенце и отправился в буфет. Посидел там, попивая травяной настой в ожидании, когда освободится нужная процедура, заодно постарался успокоиться после неприятного разговора и сосредоточился на технике адаптации к активному излучению Эпицентра.

Встрепенул, когда меня окликнул Василий.

– Физкульт-привет! – отозвался я, поднимаясь из-за стола. – Ты как?

– Так себе, – неопределённо пожал плечами знакомый лаборант. – О Сёме слышал?
Я кивнул.

– Леопольда в розыск объявили, – поведал мне Василий, – но я не верю, что это его рук дело. Он, конечно, с придурью, но безобидный. Да и кишка тонка человека убить. Яду подсыпать – ещё куда ни шло, но не так.

– Не нашли его? – уточнил я. – А то я только из командировки вернулся, не в курсе последних событий.

– Как в воду канул.

Я вздохнул.

– Мутная история.

– И не говори! – кивнул Василий. – Леонид с Кордона на днях собирается приехать – надо будет как-нибудь посидеть, Семёна помянуть.

– Зовите, как соберётесь.

– Замётано.

Василий попрощался и увёл на процедуры закреплённого за ним студента, а там и моё время подошло. Сегодня из-за накладок пришлось ограничиться работой на силовой установке; я отпустил ассистента, самостоятельно проверил аппаратуру и установил в печатное устройство регистратора бобину бумажной ленты, выкрутил регулятор таймера на шестьдесят минут и обратился к сверхсиле.

Ну, поехали!

Но нет – не поехали, а поползли. За время командировки я успел порядком отвыкнуть от давящего воздействия Эпицентра и все десять минут до первого сигнала таймера пытался не упустить гармонию источника-девять, задействовать адаптивную технику и одновременно тянуть в себя сверхэнергию. Разумеется, и силовую установку при этом запитывал, но исключительно по остаточному принципу. А вот после сигнала – ускорился!

Минуту работал на предельной мощности, даже дурноту ощутил, и голова закружилась, но дальше как-то оклемался и приноровился, выложился на все сто, пусть при этом и сошло семь потов. По окончании тренировки я только и смог, что до лавочки добрести. Так бы и прилёг на неё, но процедурную требовалось освободить, вот и оторвал бумажную ленту, присмотрелся к показаниям счётчиков.

Общий выход оказался заметно ниже моих обычных результатов, зато пиковую мощность удалось поднять до пятидесяти шести киловатт. Теперь бы ещё этот результат закрепить и вообще замечательно будет.

Хотя к чему эти сослагательные наклонения? Закреплю! Непременно закреплю! И более того – в самом скором времени свой личный рекорд превзойду. Нужно будет только график изучить и посмотреть на каком этапе случился прорыв, а где был спад. Но это не горит, это может и подождать.

Обнулив показания счётчиков, я поплёлся в душ, там немного пришёл в себя и двинулся в раздевалку. Оделся, сунул свёрнутую в валик бумажную ленту в портфель, поднялся из подвала на улицу.

Солнышко светит, свежий ветерок бритую голову обдувает.

Хорошо.

Я нацепил кепку, сунул портфель под мышку и сбежал с крыльца. У военной кафедры наблюдалось какое-то столпотворение, но на митинг происходящее нисколько не походило, поскольку не доносилось оттуда ни лозунгов, ни речовок. Такое впечатление – студенты в очередь выстроились и не в одну, а сразу в несколько, и те переплелись между собой, да ещё кто-то пытается пролезть вперёд других или протащить к себе приятелей, чему решительно никто не рад.

– Петя! – окликнули вдруг меня.

Голос был прекрасно знаком, обращение же – насквозь неправильным.

Какой ещё «Петя»? С чего бы это?

Я обернулся и раскинул руки.

– Привет!

Подошли Карл, Ян и Костя, а с ними пара незнакомых барышень – все с нарукавными повязками дружинников.

– Венера, Лариса, Пётр, – представил нас друг другу Карл, после помялся и заявил: – И, Петя, на будущее: я – Мефодий.

У меня едва челюсть от удивления не отвисла.

– Интересно девки пляшут! И какая муха тебя укусила?

– Да глупо и смешно уподобляться безродным космополитам и преклоняющимся перед западным миром декадентам! – рубанул рукой воздух Карл, он же Мефодий Карлуша.

Ян и Костя глянули на него вроде как даже с жалостью, барышни отвернулись в безуспешной попытке скрыть улыбки.

– Погоди! Погоди! – выставил я перед собой указательный палец. – А как же подпольные клички? Вот в миру ты Карлуша, а для своих Карл! Плохо разве?

– И мы ему о том же толкуем, – поддержал меня Ян.

– Ага, – кивнул Костя и попытался обнять за талию смуглую и черноволосую Венеру, но получил по руке.

– Ну если только так, – неуверенно пожал Карл мощными плечами, снял шляпу и промокнул бритую макушку носовым платком. – Наверное, имеет смысл, Пьер... Тьфу-ты! Петя! – Он прищурился. – Или у тебя тоже подпольная кличка?

– Бог миловал, – открестился я. – Тебя, получается, звеньевым поставили?

– Бери выше! Заместителем дежурного смены!

– Поздравляю! А что за суета у военной кафедры?

– Одни добровольцами на фронт отправиться хотят, другие на курсы записаться, – пояснил Костя. – А нас сразу отшили, даже бумаги не приняли.

– Да погоди ты со своими бумагами! – перебил его Карл. – Петь, ты когда из столицы вернулся? Мятаж застал?

– Как бы он застал? – удивился Ян. – На паровозе оттуда неделю пилить!

– А на самолёте – сутки!

– Самолёты не летают!

– Да и поезда не особо ездят! Не читал разве о массовом саботаже на трансконтинентальной магистрали? – свысока глянул Карл на своего худошавого приятеля. – Так что, Петя?

Я заколебался и уклончиво ответил:

– Застал немного. Но так – ничего серьёзного.

Костя уставился на меня во все глаза.

– И – вернулся?!

– А куда деваться? – развёл я руками, ощутив себя при этом едва ли не дезертиром. – Меня в Службу реабилитации мобилизовали, пришлось раненых операторов в Новинск сопровождать. Так что пока здесь завис. Да! В горбольницу на дежурство бежать пора!

Но убежать не получилось, Карл ухватил меня своей лапищей за руку и придержал.

– Мы проводим.

Ну и двинулись. Пока шли по территории студгородка, общались о том и сём, но студенты об оперативной обстановке в городе почти ничего не знали, а я при незнакомых барышнях боялся сболтнуть лишнего, так что разговор не задался. Да ещё у одного из корпусов повстречались подружки Нины, и разошлись мы как-то напряжённо и вроде бы даже неловко, никто друг другу и слова не сказал. Карл на свою пассию и не взглянул вовсе. Та тоже прошествовала мимо, задрав нос.

Ну ведь не из-за меня же это!

Я глянул вслед студенткам, потом пихнул здоровяка локтем в бок.

– Так и не помирились?

– Не-а, – с деланным безразличием выдал в ответ Карл.

– У Мефодия уже в печёнках её выкрутасы сидят, – объявил Ян.

– И вызывает острую антипатию аполитичная позиция её окружения! – добавил Костя.

Карл зло зыркнул на приятелей, дружинницы захихикали.

– Всё, опаздываю! – заторопился я, взглянув на часы.

– Посидим «Под пальмой» вечером? – предложил Карл.

– Нет, до ночи на дежурстве буду. Давай завтра на занятиях пересечёмся и всё решим.

– Завтра тренировка у Малыша. Придёшь?

– Во сколько?

– Как обычно.

– Да, подойду в зал. Там всё и решим.

Но распрошавшись с приятелями, двинулся я отнюдь не на дежурство – вместо этого поднялся к Лизавете Наумовне. Ну а там всё как обычно: обращение к сверхсиле и обработка контрастным порошком, оценка состояния внутренней энергетики и нервозность в ожидании вердикта.

Тот не то что совсем не порадовал, но и от «всё прекрасно, свободен» определённым образом отличался.

– Не так всё и плохо, – отметила Лизавета Наумовна, отошла к шкафчику с медицинским инвентарём и вернулась с набором иглок. – Думаю, за пару сеансов приведём тебя в норму. Ложись!

Я уселся на кушетку и зябко передёрнул плечами.

– Да я и сам...

– Вижу, что сам! – насмешливо хмыкнула Лизавета Наумовна. – Но со стороны заметней, знаешь ли. Ничего-ничего! До субботы все отклонения выправим. Ложись!

– Вы объясните просто...

– Ложись, кому сказано!

Пришлось повиноваться, и следующие четверть часа меня превращали в подушечку для булавок. Втыкали, воздействовали, смещали, расслабляли, подтягивали – тут и там, снова и снова. И вроде не так уж и больно было, но такое впечатление – всего наизнанку вывернули. Попутно Лизавета Наумовна акцентировала моё внимание на каких-то пропущенных при самолечении отклонениях от нормы – незначительных, но чреватых серьёзными осложнениями, а заодно поясняла свои действия, иногда даже позволяла самому привести состояние внутренней энергетики к оптимуму, заданному перенастройкой на источник-девять.

Под конец так и взмок весь, смывать контрастный порошок отправился на подгибающихся ногах. Сполоснулся, вытерся, оделся и... Нет, так сразу покинуть кабинет не вышло.

– Присядь-ка! – указала Лизавета Наумовна на кресло с высокой спинкой и регулируемые подлокотниками и подголовником. – Давай-давай! Только пиджак сними.

– Зачем это? – засомневался я, поскольку вид кресла доверия не внушал.

Лизавета раздражённо постучала красным ноготком по стеклу золотых часиков.

– Петя, у меня и другие пациенты имеются! Не тяни!

– Так и займитесь ими! Я в порядке!

– Пока – да, – согласилась дамочка. – Но придётся немало потрудиться, чтобы так оставалось и впредь.

Я с обречённым вздохом убрал портфель на кушетку, положил рядом пиджак и устроился в кресле.

– Удобно? – подступила едва ли не вплотную Лизавета Наумовна, нос зашекотал лёгкий аромат её цветочных духов.

– Вполне, – отозвался я, старательно отводя взгляд от обтянутой белым халатом груди.

И вот даже не знаю, то ли слишком усердно пытался это проделать, то ли напротив – безуспешно. Как бы то ни было, резкого движения Лизаветы я не заметил, ощутил лишь укол в основание черепа и сразу утратил контроль над телом. В один момент руки и ноги отнялись!

Какого чёрта?!

– И зачем же ты постригся под ноль, Петенька? – шепнула мне на ухо Лизавета Наумовна.

От неожиданности я даже о своём возмущении позабыл, выдал в ответ:

– Захотелось! – И допустил ошибку, промедлил, упустил возможность взять ситуацию под контроль.

Укол очередной иглы, вернее – сопроводивший его силовой импульс вдруг начисто отрезал меня от доступа к сверхсиле, но только лишь этим Лизавета Наумовна не ограничилась и принялась без всякой спешки притягивать мои предплечья к подлокотникам прочными кожаными ремнями.

– Вы чего? – выдавил я из себя, но слова прозвучали невнятно, будто успокаивающим обкололи. Начало подкрадываться забытьё.

Лизавета Наумовна закрепила мне ноги, легонько похлопала по щекам, приводя в чувство и попросила:

– Постарайся не отвечать на вопросы.

У меня от изумления даже в голове немного прояснилось.

– Это как?

– Что у тебя с рукой? – спросила Лизавета. – Откуда ожог?

Я попытался следовать её совету, но сумел продержаться лишь секунд пять или десять. С очередной воткнутой в меня иглой возникло непреодолимое желание исповедаться, пришлось ему уступить.

– Обжёгся, – сказал я.

Тут же последовал очередной укол и прозвучал следующий вопрос:

– Каким образом?

И вновь захотелось выложить всё начистоту, и вновь я не смог сопротивляться наваждению, но, как и в прошлый раз, ответил совсем не то, чего от меня добивались.

– На пожаре!

И не соврал ведь – без пожара тоже не обошлось!

Лизавета Наумовна конечно же раскусила столь немудрёную уловку, незамедлительно изменила тактику воздействия, и на меня накатило мягкое тепло. Я ощутил невероятную безмятежность и провалился в полудрёму, но окончательно не отключился, смог и дальше поддерживать разговор, точнее – отвечать на вопросы, а ещё точнее – изворачиваться и юлить, дабы не сказать ничего по существу.

Это было невероятно сложно, я словно в детство вернулся, хотелось быть честным и откровенным, поведавать обо всём без утайки, а Лизавета Наумовна перестала быть собой и превратилась в некий собирательный образ самого дорогого для меня человека, но нет, нет и ещё раз нет. Чем именно мы занимались с Альбертом Павловичем в столице, я ей не рассказал.

Зато узнал, с какой целью меня спеленали по рукам и ногам, если в любом случае утратил контроль над телом. Когда Лизавета начала выдёргивать иглы, мышцы так свело судорогой, что едва в три погибели не скрутило.

– Зачем? – хрипло выдохнул я, не спеша подниматься из кресла, поскольку отнюдь не был уверен, что сумею устоять на ногах.

– Да уж не развлечения ради! – фыркнула дамочка, протирая иглы. – Альберта за новый опыт благодари.

– Чего? – нахмурился я, решив, будто ослышался. – Вы нормально объяснить можете?

Вместо этого Лизавета Наумовна протянула какой-то листок. Дрожащей рукой я принял его, развернул и прочитал выведенные знакомым почерком куратора слова:

«Ты не абсолют»

Вспомнился давнишний спор Альберта Павловича с Георгием Ивановичем касательно моей ментальной устойчивости, и я поморщился.

– Хорошо, что вы не стоматолог...

– Не дуйся! – улыбнулась Лизавета. – И хватит уже пялиться на мой зад!

Я хотел было отместить это обвинение, но неожиданно для себя сообразил, что именно этим сейчас и занят, вздохнул и спалил записку. Было самую малость обидно и немного страшно. Куратор ведь точно не просто так моей ментальной устойчивостью озаботился, а значит, кто-то может проявить неуместный интерес к неким столичным событиям.

Каким именно?

А так ли это важно? Как по мне – так и не особо. Главное, чтобы вместо ментального воздействия при опросе не задействовали бормашину.

Ну а обижаться на Лизавету Наумовну было и вовсе глупо – в конце концов, она на меня своё рабочее время тратила, – так что я поднялся из кресла, взял с кушетки пиджак и спросил:

– И каков вердикт?

– Держался ты неплохо, но я сильно и не давила. В любом случае это во многом нарабатываемый навык, так что завтра ещё попрактикуемся. И не вздыхай так! Не вздыхай!

Пришлось пообещать быть как штык.

А что ещё оставалось? Тем более – если навык нарабатываемый?

О-хо-хо...

На дежурство я отправился сразу от Лизаветы Наумовны, пришёл на четверть часа раньше, но и правильно – какое-то время ушло на бюрократические формальности, вроде обязательного инструктажа, точнее проставления подписи за ознакомление с оным, а потом я получил медицинскую униформу, переоделся в белые брюки и аналогичной расцветки халат, поменял туфли на тапочки и поступил в распоряжение Федоры Васильевны Беды.

– Думал, вас обратно в столицу отправят, – удивился я.

– У нас и в Новинске работы неуворот, – заявила в ответ тётка и мрачно усмехнулась. – Сам-то, поди, на фронт лыжи наострил?

– Есть такое, – осторожно признал я.

– Дохлый номер!

– Почему это? – спросил я, хоть и понимал, что никто не стал бы выдёргивать меня в Новинск лишь для того, чтобы сразу отпустить обратно.

Федора Васильевна, очевидно, сочла вопрос глупым и потому его проигнорировала, перешла сразу к делу.

– Работать будешь в палате интенсивной терапии с четырёх до восьми. Суббота и воскресенье – свободные дни.

Я озадаченно хмыкнул, поскольку в полученном от ассистентки Звонаря графике дежурств продолжительность смен обозначена не была.

– На полставки, получается? – уточнил я на всякий случай.

– На полную, – возразила Федора Васильевна. – В интенсивной терапии час за два идёт. Сам всё увидишь.

И да – увидел. Жарко в отданной на моё попечение палате отнюдь не было, но присматривавший там за пациентами интерн оказался мокрым как мышь – он самым натуральным образом обливался потом и на выход двинулся нетвёрдой походкой вусмерть уставшего человека.

– Завтра приходи пораньше, чтобы успеть истории болезни просмотреть, – с неудовольствием выговорила мне Федора Васильевна. – Давай! Читай! Я понаблюдаю за больными пока.

Пациентов в палате было четверо – все молодые люди от двадцати пяти до тридцати лет, все то ли без сознания, то ли погружены в медикаментозный сон, и определённо не сотрудники ОНКОР, а доставленные из столицы штатские. У каждой койки на спинках висели медицинские книжки, я взялся листать одну и обнаружил внутри записи о текущем состоянии энергетических каналов и узлов, а также план приведения их к нормальному состоянию.

– Макар Демидович сказал, ты разберёшься, – заметила Беда, переходя от одного пациента к другому.

Разобраться в диагнозе и в самом деле труда не составило, я даже понял, какого рода требуется воздействие, но отнюдь не был уверен, что сумею его должным образом осуществить. Это терапевтическое вмешательство в силу своей комплексности показалось куда сложнее тех заданий, которые мне поручали на обратном перелёте в Новинск.

– Да тут всё элементарно! – заявила Федора Васильевна, от которой моё замешательство не укрылось.

Я ей не поверил. Никто час за два просто так засчитывать не станет, да и предшественник за свою смену вымотался почище сталевара в горячем цеху, а ведь у него точно диплом о высшем образовании имеется!

– Приступай! – поторопила меня Беда. – С анамнезами остальных потом разберёшься!

Попытка потянуть время определённо закончилась бы нагоняем, и я медлить не стал, положил ладони на грудь молодого человека с бритой головой, закрыл глаза, сосредоточился и почти сразу ощутил отклик его внутренней энергетики. Соотнести её состояние с описанием из медкнижки оказалось гораздо сложнее, но тут помогли зачаточное ясновидение и богатый опыт самолечения.

Когда в голове сложилась полная картинка, я отыскал уже наметившиеся отклонения от нормы и выправил их одним воздействием – точечным и точным. Отступил в сторону, уступая место Федоре Васильевне, та оценила проделанную работу и фыркнула:

– Говорю же – элементарно всё!

Я перешёл к следующему пациенту, наскоро пролистал историю болезни, куда внимательней изучил схемы назначенных ему терапевтических воздействий и после недолгой подготовки откорректировал намеченные к выправлению девиации. С оставшимися двумя операторами проблем тоже не возникло, а после похвалы Федоры Васильевны я окончательно уверился в том, что мой предшественник просто не подходил для этой работы по причине низкой квалификации или же в силу недостаточной чувствительности.

Тут же всё и вправду элементарно!

Согласно записям, все пациенты прошли инициацию на семнадцатом румбе пятого витка, в силу чего нормальное состояние их внутренней энергетики за исключением каких-то совсем уж незначительных нюансов подпадало под единый шаблон, да и патологии оказались предельно схожи. Надорвались все. От меня требовалось лишь переходить от одного подопечного к другому и с помощью однотипных воздействий приводить их энергетику к норме.

Только и всего!

Подвох заключался в том, что делать это требовалось беспрестанно. Только я закончил с четвёртым больным, как уже снова пришлось заниматься первым из пациентов. И так по кругу все четыре часа подряд! Как белка в колесе!

Более того – сколько я ни старался соблюдать единообразие, всякий раз воздействия чуть разнились по интенсивности, направленности и точкам фокусировки, а это неизбежно приво-

дило к новым отклонениям, которые приходилось выправлять, тратя дополнительное время и силы.

Вроде – ерунда, вроде – смешную мощность задействую, а уже в груди давит, испариной покрывшись и в голове шумит, а руки дрожат.

Каждый час в палату заходил дежурный врач, оценивал состояние пациентов и вносил корректировки в схемы. Претензий к моей работе у него не возникало, но оно и понятно – всё элементарно, напортчить сложно. Просто работа на износ. Кто бы мог подумать ...

К концу смены я ощущал себя не просто выжатым лимоном, а лимоном, по которому проехался каток. Сдал пациентов сменщику, получил талоны на питание, дополз до раздевалки и какое-то время бездумно стоял под душем.

– Да мы просто расходный материал! – услышал, когда закрутил вентили. – Батарейки!

Выглянул – а это интерны на судьбинушку друг другу жалуются. Или и вовсе старшекурсники.

– И этому я учился шесть лет? – возмутился один из них.

– Забей! – отмахнулся другой. – Думаешь, в хирургии на потоке стоять не придётся? А если война? Думаешь, в полевом госпитале проще будет?

– А я за простотой и не гонюсь!

Третий посмотрел на меня и спросил:

– А ты у кого практику проходишь? Не видел тебя раньше.

– У Рашида Рашидовича, – ответил я, вытираясь вафельным полотенцем.

– Реабилитолог?

– Ага.

– Вот! – наставил на меня указующий перст первый из парней. – Они свой фронт работы провалили, а мы за них отдуваемся!

У меня не было ни сил, ни желания собачиться с медиками, поэтому только махнул рукой и отвернулся. Оделся, собрался, пошёл в столовую. За четыре часа вымотался так, что всякий аппетит пропал, ограничился лапшой на курином бульоне, двумя стаканами компота и булочкой. Заморил червяка, задумчиво поглядел на портфель, вздохнул.

Не могу сказать, будто так уж тянуло на подвиги – скорее даже наоборот! – но едва ли завтра после смены буду чувствовать себя лучше, а кое с какими делами стоило разобраться, пока ещё имеется такая возможность. Требовалось ловить момент, а отоспаться успею. Когда-нибудь потом. Наверное.

И я не пошёл домой, вместо этого двинулся через студгородок к одному из отведённых под женское общежитие корпусов. По дороге остановился послушать последние новости у тарелки репродуктора, но вновь ничего нового для себя не узнал. Да ничего конкретного не прозвучало в принципе, одни только общие словеса.

Мятежников выдавливают из столицы, под ударами республиканской армии и переброшенных с востока страны подразделений ОНКОР добровольческий корпус интервентов несёт тяжёлые потери, на западной границе идут ожесточённые бои. А как там на самом деле – кто знает?

Инга оказалась у себя, и моему появлению она просто-таки поразилась.

– Петя? Ты вернулся?!

– Вчера прилетел, – сказал я, переступая через порог. – Как тут у вас?

– У нас? – округлила глаза Инга. – Ты же в столице был! Рассказывай!

Она ухватила меня за руку и потянула в гостиную, вдоль одной из стен которой громоздились какие-то коробки, лежали мешки, стоял туго набитый чемодан.

– Это чего? – удивился я.

– Да Лия к Герасиму съезжает! – отмахнулась Инга. – Рассказывай!

Я уже даже пожалел, что пришёл, но деваться было некуда, рассказал без лишних подробностей о ситуации в столице, только в отличие от разговора с Карлом на сей раз отделаться полуправдой не вышло.

– И голову, конечно же, побрил просто так! – насмешливо фыркнула моя бывшая одноклассница. – Совсем ты врать, Петя, не умеешь! Да у тебя ресницы опалены!

Врать-то как раз я за последнее время выучился неплохо, но попробуй – соври, когда все доказательства налицо.

– Повоевали там немного, – вынужденно признал я. – В республиканском комиссариате оборону держали...

Если разобраться, делать из этого секрет не было никакого смысла, но одно могло потянуть за собой другое, а там пришлось бы и о третьем поведать, что ни к чему хорошему привести не могло. Я прекрасно знал, как просто запутаться и проколоться на мелочах, поэтому решил об участии в подавлении мятежа никому не говорить вовсе, но вот – пришлось.

– На западной границе тоже бои идут, – вздохнула Инга, когда мой рассказ подошёл к концу.

Я кивнул и попытался выспросить её о событиях последних дней в Новинске, но об этом моя бывшая одноклассница знала не так уж и много. Сказала только, что полицейское управление расформировано, большинство старших чинов взято под стражу, а рядовой состав распущен по домам.

– Мы даже женскую дружину организовали, – с гордостью заявила она. – На Текстилке дежурим.

– Где? – поначалу не понял я, но сразу протянул: – А-а-а! На юго-западе!

– Ага, туда со всего города отребье съезжается.

Ну да, это я ещё по своей службе в комендатуре помнил. Наблюдательный совет особой научной территории в меру своих возможностей пытался выправить демографический перекос, привлекая в город барышень, вот именно в том районе льготное жильё им преимущественно и предоставлялось.

– А что комендатура? – поинтересовался я действиями бывших коллег.

– А мы с ними работаем, – пояснила Инга. – Но у них сейчас в западной части города дел неуворот.

Я кивнул. Если операторы жили преимущественно в центре и на востоке Новинска, где за порядком присматривали патрули комендатуры, то запад был вотчиной полицейского управления, да и маргинального элемента там хватало с избытком. Могут и беспорядки начаться, если в срочном порядке ситуацию под контроль не взять.

– погоди! – встрепенулась Инга. – А как так получилось, что тебя в Новинск вернули? Разве в столице операторы не нужнее?

– Нужнее, – подтвердил я. – Но не с моей специализацией. Я же в реабилитологии стажируюсь, а всех тяжёлых в Новинск переправляют. Тут повышенный энергетический фон восстановлению способствует. Ну и больницы лучше оснащены. У меня сегодня за смену семь потов сошло.

Для наглядности я вытянул перед собой руку, пальцы явственно дрожали.

– Ой! – опомнилась Инга. – Давай я тебя хоть чаем напою!

– Да я только из столовой, – улыбнулся я. – Чего зашёл – пока всё не завертелось, успел тебе подарок купить. Раз уж у нас это дефицит великий.

Я раскрыл портфель и выложил на стол сначала шёлковые чулки, а потом не без внутренних колебаний и кружевной пояс для них.

Инга во все глаза уставилась на нижнее бельё, затем посмотрела на меня и вздохнула.

– Петя, не стоило!

Поскольку изначально я держал в уме некоторый шанс схлопотать пощёчину, то сейчас с откровенным облегчением улыбнулся.

– Почему нет?

Но бывшая одноклассница строго покачала головой.

– Сколько я тебе должна?

– Да брось!

Инга ничего и слушать не стала, отошла к комоду, выдвинула верхний ящик и достала кошелёк.

– Так сколько?

В её голосе прозвучали прекрасно знакомые мне ещё по гимназии интонации, и упрямиться я не стал, озвучил сумму, занизив её вдвое.

– А не слишком мало? – усомнилась барышня.

– Да это у нас перекупщики три шкуры дерут, а там меня знакомый в магазин, куда его подруга захаживает, отвёл. И одна пара от меня в подарок. Даже не спорь!

Название магазина я благоразумно озвучивать не стал, но и так Инга смерила меня пристальным взглядом, словно рассчитывала уличить во лжи. Обошлось. Барышня отсчитала требуемую сумму, сгребла со стола обновки и убежала в спальню, напоследок предупредив:

– Подожди, сразу и примерю!

Она прикрыла за собой дверь, а я сунул деньги в карман и посмотрел на часы. Требовалось переходить к делу и бежать домой, иначе завтра я просто не встану. Но не кричать же через дверь, в самом-то деле!

Ладно, ерунда! Сейчас чулки примерит и выйдет. Всех дел на пару минут.

Так и получилось. Разве что одной только примеркой Инга не ограничилась и решила продемонстрировать обновки ещё и мне.

– И как тебе? – спросила она, встав в распахнутой двери спальни. – Не слишком вульгарно?

С ответом я замешкался по той простой причине, что кроме обновок больше на бывшей однокласснице ничего и не было. Пояс, чулки – и всё...

Я откашлялся и выдавил из себя:

– Ни капельки.

Инга поманила меня к себе, и тут уж я медлить не стал, поднялся из-за стола, шагнул к ней, увлёк в спальню.

Ещё бы теперь в грязь лицом не ударить...

Глава 2

Волновался, хватит ли сил проявить себя, я совершенно напрасно. Инициативу целиком и полностью взяла на себя Инга, мне только и оставалось, что лежать и получать удовольствие. Устроившаяся сверху барышня двигалась далеко не столь уверенно, как некогда Лизавета Наумовна, зато в отличие от Юлии ничуть не смущалась своей ведущей роли и действовала с полнейшей самоотдачей.

После мы какое-то время молча переводили дух, потом Инга вдруг улыбнулась и сказала:

– А Вениамин от такого отказывался наотрез. Считал оскорбительным для своего мужского достоинства...

– Средневековые понятия у него какие-то о мужском достоинстве, – фыркнул я в ответ, перевернулся на бок и смерил раскрасневшуюся и вспотевшую барышню оценивающим взглядом. – А что ещё он неприемлемым для себя считал? Можем проверить, так ли это неприлично...

Инга чмокнула меня в щёку и поднялась с кровати, даже не подумав прикрыться простынкой.

– Всему своё время, – лукаво улыбнулась она и взяла наброшенный на спинку стула халатик. – Я в душ. Сделаешь чай?

– Конечно!

Я проводил взглядом спортивную фигуру бывшей одноклассницы, переборол навалившуюся вдруг тяжким грузом сонливость и уселся на кровати, начал приводить себя в порядок. Приглашения остаться на ночь ждать не стоило, и я поймал себя на мысли, что этому обстоятельству скорее рад, нежели разочарован необходимостью собирать вещички и проваливать.

Былые чувства к Инге не проснулись, и это было хорошо.

Наверное.

Душевая располагалась на этаже, пока Инга отсутствовала, я успел и одеться, и разогреть чайник. Сделал две кружки крепкого чая, а в буфете в поисках сахара или каких-нибудь сладостей шарить не стал, решив дожидаться хозяйки.

По возвращении та махом выдула одну кружку и попросила налить ей ещё, после чего выставила на стол сахарницу и вазочку с овсяным печеньем.

– Покормить тебя, Петя? – спросила Инга.

– Нет, только поужинал, – отказался я. – Ты, кстати, никого ещё в инициативную группу не привлекла?

– В группу? – озадаченно протянула барышня, потом понимающе кивнула. – А! Ты о проекте для студсовета!

– Именно.

– Да как-то не до того было. А сейчас ещё и дружину организовали. В ней не только актив военной кафедры, к нам и с других факультетов девушки присоединились. Мы с комендатурой график дежурств согласовали, они инструкторов нам назначили...

Мне слушать о женской дружине несколько не хотелось, но посидел, попивая чай, покивал. Затем вновь перевёл разговор на интересовавшую меня тему.

– А с проектом-то что? Их не отменили, случаем?

– Уж лучше б отменили, – вздохнула Инга. – Понимаешь, мы в дружине реальную пользу приносим, а эти проекты просто для галочки. Имитация бурной деятельности!

Я пожал плечами, изо всех сил стараясь не выказать охватившего меня раздражения.

– Для галочки все проекты кроме того, который победит. Дружина ваша теперь уже никуда не денется, а тут новые перспективы откроются!

– Петя, ты же видишь, что в стране творится! Какой смысл так далеко вперёд загадывать?

– Мятаж рано или поздно подавят, и тогда фору получит тот, кто просчитывал свои действия на несколько ходов вперёд!

Инга смерила меня пристальным взглядом карих глаз и спросила:

– Ты же говорил, у тебя нет свободного времени?

– Тут ничего не изменилось, – подтвердил я. – Просто пока ещё есть шансы получить доступ к учётным записям, а что дальше будет – кто знает? Я в Службе реабилитации сейчас, нас в любой момент на запад перекинуть могут. Да и время упущено окажется, с анализом данных лучше не тянуть. Вдруг пустышку тянем?

На какой-то миг Инга заколебалась, потом улыбнулась, будто раскусила меня, и кивнула.

– Хорошо, Петя. Всё в силе. Займись этим.

У меня даже от сердца отлегло.

– Я заявку подготовлю и завтра тебя найду. Надо будет подписать.

– Хорошо, – покладисто согласилась барышня. – Вечером зайдёшь?

– И вечером тоже, но заявку в первой половине дня лучше подписать. У тебя какие занятия завтра?

Мы договорились пересечься после третьей пары в студсовете, и я решил закругляться, но, прежде чем успел отправиться восвояси, щёлкнул замок, распахнулась дверь и к нам из коридора впорхнула Лия. Вслед за ней шагнул Герасим – неожиданно не в костюме, а в синем рабочем комбинезоне и кожаной куртке.

– О, Петя! – поразился он. – Ты когда вернулся?

– Вчера вечером.

Лия подошла и поцеловала меня в щёку, после обнялась с соседкой. Герасим ограничился рукопожатиями. Если их и удивил тот факт, что Инга распивает со мной чай в халатике и с мокрыми после душа волосами, то акцентировать на этом внимание они не стали. И без того нашлось о чём поговорить.

– Лия, меня со второй половины субботы и до утра понедельника не будет, – предупредил Герасим подружку и погладил ту по плечу. – Только не дуйся, хорошо?

– Очень надо! – хмыкнула та. – Уж найду, чем заняться! Инга, поставишь меня в воскресенье на дежурство? Только во вторую смену, у меня на десять запись к парикмахеру.

– Я тогда тоже во вторую выйду, – решила Инга, достала толстую тетрадь и вооружилась карандашом.

Герасим оценивающе глянул на меня и осторожно уточнил:

– Ты сейчас...

– Уже ухожу.

– Поможешь тогда с вещами? Я Лию к себе перевожу.

Пожитков у моей бывшей одноклассницы накопилось немало, одному их было таскать не перетаскать, и я уточнил:

– Извозчика наймёшь?

Герасим покачал головой.

– Нет, мне на обкатку экспериментальный автомобиль на электротяге дали. С ветерком прокатимся.

– Ну ничего себе! – присвистнул я. – Здорово!

Лия рассмеялась.

– Петя, ты погоди завидовать! Там тележка с моторчиком!

– Да ну тебя! – насупился Герасим, но тут же притянул барышню к себе и поцеловал. – До завтра!

– Чао! – отозвалась Лия и обратилась к соседке: – Инга, я в пятницу съеду. Ты уже нашла кого-нибудь? А то поделят какую-нибудь мымру!

Инга покачала головой.

– Не подселят. Заявки на улучшение жилищных условий через студсовет проходят, выберу кого-нибудь из наших.

– Всё, мы ушли! – окликнул барышень Герасим, двинувшись вслед за мной с парой чемоданов.

Автомобиль со служебными номерами комендатуры обнаружился под окнами общежития. Окружившие его студенты расступились, позволяя пройти, и кто-то спросил:

– И много лошадок?

– Полсотни! – отозвался Герасим, поставив чемоданы на землю.

– И сколько жмёт?

– Сто двадцать.

– Не мало?

– Зато проходимый! Для разведки сделано!

Кузова у машины не было вовсе, имелся лишь остов из рам, а ещё два кресла и небольшая площадка за ними, где вполне хватало места для пулемётчика – намётанным взглядом я сразу отметил возможность установки турели. Впрочем, сейчас на эту самую площадку мы сгрузили чемоданы и прочие пожитки Лии, а для надёжности и пущей сохранности дополнительно закрепили их ремнями.

Герасим попинал ребристые покрышки отнюдь не маленьких колёс, натянул краги, надел мотоциклетный шлем и опустил на лицо лётные очки.

– Садись! – указал он мне на пассажирское сидение.

– А ты куда сейчас?

– Домой, вестимо.

– Понятно, что домой! Живёшь-то где?

Отвечать Герасим не стал, вновь указал на автомобиль.

– Садись! Разговор есть.

Пришлось забираться на сидение. Усевшись, я обнаружил пару ремней, пристегнулся ими и подтянул по фигуре. Герасим устроился за рулём, запитал силовую установку, и автомобиль совершенно бесшумно тронулся с места. Я ожидал, что нас начнёт безбожно трясти, но покрышки скрадывали незначительные неровности брусчатки, оказалась эффективной и пружинная подвеска.

Привлекая всеобщее внимание, мы доехали до служебных ворот, а уже на улице Герасим резко прибавил скорость. Начал задувать поток встречного воздуха, полетела пыль, и я прикрылся линзой давления.

– Что за разговор? – спросил после этого.

– Литературу для тебя подобрал, – пояснил Герасим. – По разделению потенциала. Заберёшь.

Я бы предпочёл сделать это как-нибудь в другой раз, но спорить не стал. Это мне надо, не кому-то другому. Герасим мог бы и не утруждаться вовсе, если разобраться.

До посольского квартала, как неофициально именовалось место компактного проживания иностранных дипломатов, правительственных чиновников, главных инженеров и прочей важной публики, мы домчались без остановок. Как видно, странный автомобиль успел примелькаться на улицах, да и служебные номера определённо свою роль играли. Уже только на месте пришлось предъявлять документы перекрывшим проезд вохровцам – Герасима они определённо знали в лицо, но поблажек племяннику главы ОНКОР не сделали, да и моё удостоверение проверили со всем тщанием. Порядок есть порядок.

Жил Герасим всего в двух домах от квартиры Льва, мы даже проехали под его окнами, только потом свернули на боковую улочку. Ворота в арке открыл дворник, габаритами ничуть не уступавший Матвею Пахоте, не обошлось и без караульного оператора. Я его не заметил, лишь уловил *внимание*.

Когда мы заехали во двор, на крыльцо вышел мужчина средних лет, закурил и указал огоньком папиросы на дальний угол.

– Загоняй колымагу дальше, ещё полковника где-то парковать!

Герасим кивнул и покатил вдоль жавшихся друг к другу легковых автомобилей со служебными номерами, встал рядом с высившимся над ними вездеходом. Мы вновь нагрузились пожитками Лии и двинулись к крыльцу.

– А баяли, невесту привезёшь... – отметил видимо домоуправ, отступая в сторону.

– В пятницу привезу, – пояснил Герасим. – Сегодня мальчишник устрою.

Домоуправ никак удивления не выказал, пыхнул дымом и отметил:

– Это дело.

Я счёл слова Герасима всего лишь шуткой, вот только, когда мы сложили вещи в гостиной, он вместе со стопкой перетянутых шпагатом брошюр принёс ещё и бутылку красного вина.

– Ты не представляешь, каких трудов стоило их вытребовать, – усмехнулся он, доставая из буфета пару бокалов. – Чуть ли не врукопашную с Хариусом сошёлся!

– Да мне бежать пора, – попытался увильнуть я, взглянув в окно. – Темнеет уже.

– Именно! – подтвердил Герасим. – Через двадцать минут комендантский час начнётся. Лучше на диванчике переночевать, чем в комендатуре.

Я ругнулся про себя, но добраться до квартиры за двадцать минут пешком или на общественном транспорте точно не успевал, а рассчитывать поймать такси или извозчика в это время не приходилось даже в столь престижном районе.

Герасим ушёл переодеваться, я разлил вино по бокалам и огляделся. На хоромы квартиры отнюдь не тянула и была откровенно тесной, зато – отдельной и даже имела собственный туалет с душем, пусть и столь крохотным, что кто-нибудь вроде Карла или Матвея там бы попросту не уместился.

А в целом – очень даже неплохо. Тесная прихожая переходила в небольшую гостиную, за дверью пряталась спальня с широкой кроватью, а ещё имелась кухонька, где едва-едва могли разминуться два не самых упитанных человека.

Пока Герасим отмывал руки от въевшегося в кожу машинного масла, я развязал стягивавший брошюры шпагат и наскоро просмотрел отмечавшие обложки библиотечные штампы, но не обнаружил ничего даже с отметкой «ДСП». Попутно вспомнил об оставленной в «Астории» методичке и поёжился, предвкушая не самый приятный разговор в библиотеке. Ладно хоть ещё не секретная, к ответственности не привлекут, разве что рублём накажут...

Пришёл Герасим, принёс сырную нарезку, мы чокнулись и выпили, я спросил:

– Что слышно?

– В столице из центрального района мятежников выдавили и Петров остров очистили. Они теперь силы в окрестностях Суомландского вокзала копят. Добровольческий корпус до северных предместий дошёл, там бои идут.

– А на западной границе что?

Герасим пожал плечами.

– Непонятно пока. Туда наших перекидывать начали. – Он вновь наполнил бокалы и приступил к расспросам: – Ты как съездил?

Я отпил вина, закусил тоненькой полоской сыра и уселся на диван.

– Было весело...

Растолкал меня Герасим в шесть утра. Хоть вчера и ограничились бутылкой вина, но всё же засиделись за полночь, так что пришёл я в себя только после плотного завтрака.

– В субботу вылетаем в обычное время, – предупредил Герасим, когда мы спустились во двор. – Я договорюсь, чтобы твою команду к этому времени в Новинск вернули.

– А сейчас они где?

– В Зимске задачи выполняют.

– Все хоть целы?

– Насколько знаю – да, – кивнул Герасим и поздоровался с солидной наружности господином в штатском, который собирался погрузиться в чёрный легковой автомобиль без опознавательных знаков ОНКОР. – Доброе утро, Борис Евграфович!

– Утро доброе, Герасим.

Я тоже поприветствовал Бориса Евграфовича, отметив про себя, что уже встречался с тем прежде – в одном из авиационных ангаров где-то на окраине Всеблагото; там он входил в разряд условных умников. Явно какая-то шишка из числа научных работников. Сейчас его, к слову, сопровождал прапорщик ОНКОР, а за рулём автомобиля сидел сержант.

Они уехали, а вот мы немного задержались, поскольку следующие пятнадцать минут вновь нарядившийся в комбинезон Герасим осматривал свой автомобиль, что-то подкручивал и регулировал, а ещё, прежде чем устроиться за рулём, внёс записи о своих манипуляциях в сервисную книжку. Я уселся рядом и – покатили.

Сегодняшняя поездка понравилась даже больше вчерашней, вот только приехали мы за час до первой пары, пришлось идти в буфет, покупать чай и начинать разбирать подготовленную для меня Герасимом литературу. Попробовал пропускать вступления и сразу вникать в суть работ, но не понял примерно ничего. Тогда плюнул на всё и дошёл до кафедры кадровых ресурсов, где с разрешения одного из коллег Альберта Павловича сел за пишущую машинку и напечатал ходатайства для допуска к учётным записям студентов и курсантов. Обращение составил от имени Инги, как от члена студсовета и руководителя инициативной группы по реализации исследовательского проекта, а адресовались они ректору РИИФС и главе комендатуры. В качестве обоснования я указал необходимость формирования репрезентативной выборки для сравнения динамики развития способностей к оперированию сверхэнергией.

Ну а дальше началась беготня. Нет, на лекциях я исправно строчил конспекты, но двухнедельный пропуск занятий пусть даже и по уважительной причине без последствий остаться не мог, вот и пришлось просить нужные записи у других студентов и договариваться о передаче контрольных с преподавателями. Многих профессоров и доцентов подменяли аспиранты, что моей задачи нисколько не облегчало, и особыми успехами похвастаться не вышло.

Но зато не подвела Инга. Я отыскал её в одном из выделенных студсовету помещений, отвлёк от разговора с другими барышнями о значимости женской дружины и попросил подписать ходатайства, а после заглянул в каморку Касатона Стройновича.

– Ага! – поднялся он из-за стола. – Явился!

Выглядел заместитель председателя студсовета не просто помятым, а смертельно усталым, глаза покраснели, лицо осунулось, неизменными остались лишь аккуратная причёска, щегольские усики и гладко выбритые щёки.

– Так точно, – вздохнул я. – Явился.

Касатон набрал в лёгкие побольше воздуха, но ни орать, ни даже просто повышать голоса не стал, тихонько выдохнул и вновь опустился на шаткий стул, указал мне на табурет.

– Садись! – после спросил: – Как съездил?

– С приключениями, – сознался я. – Мне бы тут завизировать...

Стройнович наскоро просмотрел ходатайства и спросил:

– Проект зарегистрирован?

– Нет, – сознался я.

– Ну и как тогда визировать?

– И что делать?

Касатон шумно вздохнул и уточнил:

– У вас Инга официальный руководитель?

– Она, – подтвердил я. – Только не у нас. Я в инициативную группу не вхожу. Просто выборку сделаю.

– И это правильно, – кивнул Стройнович.

– Ну да, работы невпроворот...

– Не в этом дело, – мотнул головой Касатон. – Просто проект чисто от представителей военной кафедры точно необходимого количества голосов не наберёт. Вам людей с других факультетов привлекать нужно. Как Инга проект регистрирует, приходи, я у Севы ходатайства завизирую.

– Так она прямо сейчас!

Касатон страдальчески вздохнул и посмотрел на часы.

– Давай быстрее тогда! Обед начинается.

Много времени на бюрократические формальности не ушло, да и Стройнович смог получить визу председателя студсовета буквально за пять минут. Правда, тот лишней ответственности на себя брать не пожелал и ограничился припиской, что изложенная в прошении информация об инициативной группе и проекте соответствуют действительности. Меня это всецело устроило.

– Ты обедал уже? – спросил Касатон Стройнович. – Нет? Тогда в столовой поговорим.

Мне заниматься делами дисциплинарного комитета студсовета несколько не хотелось по причине банального отсутствия свободного времени, но и взять самоотвод не было никакой возможности, так что я кивнул.

– Давай!

Мы вышли в коридор, и там Стройнович сразу распахнул соседнюю дверь и заглянул в каморку, большую часть которой занимал огромный самодельного вида радиоприёмник. На табурете рядом с аппаратурой расположился незнакомый мне старшекурсник. Он оттянул с ушей наушники и на невысказанный заместителем председателя студсовета вопрос сказал:

– Пока ничего нового.

Касатон кивнул и закрыл дверь. Мы вышли на улицу и двинулись к столовой. У ближайшего столба с тарелкой репродуктора толпились студенты, и я спросил:

– А какие вообще новости?

– Так это ты из столицы вернулся! – хмуро глянул в ответ Касатон.

Я развёл руками.

– Да меня в Службу реабилитации мобилизовали. В воскресенье с утра на дирижабль погрузили – и сюда!

Взгляд собеседника вроде как даже потеплел, Стройнович тяжело вздохнул и посетовал:

– А меня на фронт не пустили. Говорят, тут больше пользы принесу, но это они лукавят. Просто на медкомиссии кандидатуру зарубили. Из-за того ранения. Ну ты в курсе...

Я кивнул. В этом отношении мы вроде как коллегами по несчастью оказались, а что я повоевать успел, так отзыв в тыл обидней вдвойне.

– На границе со Срединским воеводством ситуация стабильная, – поделился со мной последними новостями Касатон, – а наступление Окреста и вовсе выдохлось, части юго-западного военного округа даже в наступление перешли. Оттуда нашего удара никто не ждал. На этот рассчитывали, как его по-оксонски... – Он пощёлкал пальцами. – А! Блицкриг! Тьфу-ты! Блицкриг!

– Здорово! – обрадовался я. – А что в столице?

– Пока непонятно, но вроде наши выбивают монархистов из города понемногу.

В этот момент нас окликнули. Точнее – окликнули моего спутника.

– Касатон! – обратилась к нему симпатичная фигуристая барышня в не по погоде лёгком сарафанчике. – Ты когда меня на танцы поведёшь?

Тот приобнял студентку и поцеловал.

– На танцы к концу дня сил не остаётся ни физических, ни моральных. Давай лучше в каком-нибудь спокойном заведении поужинаем?

– Сегодня?

– Да, я тебе позвоню.

Когда мы отошли, я не удержался от усмешки.

– И позвонишь?

Касатон оглянулся и хмыкнул:

– А ты бы не позвонил?

Я тоже поглядел вслед барышне и признал:

– Да уж позвонил бы, наверное.

В столовой мы выстояли не слишком длинную очередь, заставили подносы тарелками и заняли свободный столик.

– Ты, давай, к работе комитета подключайся, а то я уже зашиваюсь просто! – потребовал Стройнович, стоило нам приступить к трапезе. – А знаешь, почему я зашиваюсь? Потому что все зашиваются! Полицейское управление расформировали, самых толковых сотрудников из Бюро оперативного реагирования в помощь комендатуре забрали, а на нас теперь ещё и оценку благонадёжности студентов навесили. И попросили дать мотивированное суждение по преподавательскому составу!

– Дела! – присвистнул я.

– То-то и оно! – кивнул Касатон. – И бытовуху никто не снимал, материалы копятся! Но там ещё потянуть можно, другое горит – за эти дни с поездов кучу студентов сняли, которые на фронт добровольцами рванули. Надо разобраться, кто нашим помогать собирался, а кто – наоборот.

Я мрачно уставился на собеседника.

– Неужели есть и такие?

– Исключать нельзя, – веско произнёс Стройнович. – Прямо сегодня получи протоколы задержания и начинай разбирать с ними, не тяни. Где возникнут сомнения – вызывай студентов на разговор. Только назови это собеседованием, полномочий на допросы у нас нет.

– А где протоколы?

– Из комендатуры их в оперчасть Бюро передали. Найдёшь?

– Найду, – уверил я собеседника и спросил: – А что с Обществом изучения сверхэнергии?

– Тишина, – сообщил мне Касатон. – Большинство преподавателей и почти всех старшекурсников на похороны великого князя вывезли, а те, кто остался, сидят тише воды, ниже травы. Да и не наша это головная боль.

Дальше пришёл мой черёд рассказывать о столичных приключениях, но надолго разговор не затянулся, поскольку Стройнович наскоро пообедал и сразу засобиравшись, вновь наказав мне сходить в Бюро.

В оперчасти всё прошло без сучка без задоринки, но когда я уже двинулся на выход со стопкой перетянутых шпагатом протоколов в одной руке и набитым брошюрами портфелем в другой, то наткнулся на Вяза. Случайной наша встреча точно не была, не иначе начальнику управления физической защиты о моём появлении сообщил с проходной дежурный.

Ну вот чего он ко мне привязался? Неужто заняться больше нечем?

Хотя... Сразу вспомнились слова Касатона Стройновича о том, что дисциплинарному комитету теперь помимо всего прочего поручена оценка благонадёжности студентов и преподавателей, а не сказать на значимости и престиже занятой мной должности это точно не могло. Вот и бесится!

– Это что у тебя? – потребовал объяснений Вяз.

– Протоколы для дисциплинарного комитета сказали забрать, – попытался увильнуть я от прямой конфронтации, но безуспешно.

– Кто поручил?

– Председатель комитета.

– Вот значит как? – нахмурился потемневший лицом Вяз. – Напомни, о чём мы вчера с тобой говорили?

«Точно не об этом», – так и хотелось буркнуть мне, но сдержался, не желая провоцировать конфликт.

– Я подполковника Звонаря ещё не видел, постараюсь сегодня перед дежурством к нему на приём попасть.

Вяза при упоминании воинского звания начальника Службы реабилитации вновь передёрнуло, и он наставил на меня указательный палец.

– Доложишь о результатах незамедлительно! Нет, не так! Жду тебя завтра в половине восьмого утра! Всё ясно?

– Так точно! – отозвался я и поспешил на выход.

Стоило бы порадоваться очередному выгаданному дню, а вместо этого возникло желание разрешить ситуацию наиболее простым для себя образом, отправив начальника управления физической защиты на длительный больничный так, чтобы самому при этом остаться в стороне.

Справлюсь? Возможно. Но не факт.

Не говоря уже о том, что будет попросту преступно ослаблять Бюро в столь непростое для института время. При всех своих закидонах Вяз службу не запускал, подкопаться в этом отношении к нему не было никакой возможности. По крайней мере, я повода для докладной куда следует не видел, хоть и размышлял на этот счёт не раз и не два.

Из Бюро я отправился в лабораторный корпус, заперся в своей камерке, плюхнул на один край стола увесистую пачку протоколов, а на другой выложил стопку брошюр, затем отыскал в портфеле смотанную в валик бумажную ленту с графиком своей вчерашней выходной мощности. Изучил его, принял к сведению и побежал на процедуры, а после них отправился на приём к Лизавете Наумовне.

Сегодня я уже знал, чего следует ждать, и всё же к допросу оказался откровенно не готов. Нынешнее воздействие было много сильнее, мощнее, всесторонней и глубже вчерашнего, мне едва-едва удавалось не терять связь с реальностью, но даже так душу рвало в лоскуты от искреннего желания выговориться и рассказать обо всём на свете без утайки.

Но сдержался как-то, из-за чего удостоился от Лизаветы Наумовны похвалы и поцелуя в лоб. От жуткой головной боли тот не слишком-то и помог, пришлось выправлять ситуацию собственными силами – ещё и на бегу, поскольку времени на полноценную медитацию уже не оставалось.

Рванул я к доценту Звонарю, не особо рассчитывая сходу прорваться через его конопатую ассистентку, на деле же барышня пропустила к шефу почти без препирательств – у того как раз случился перерыв между совещаниями, а я сослался на необходимость обсудить реализацию нашего проекта. И надо сказать – почти не соврал.

– Добрый день, Макар Демидович, – поприветствовал я доцента, который с нашей первой встречи позапрошлым летом сбросил килограмм двадцать и помолодел лет на пять.

– Заходи, Петя, садись, – разрешил тот. – С чем пожаловал?

Я первым делом выложил перед ним выданное Лизаветой Наумовной заключение, после опустил на стул, устроил на коленях портфель и объявил:

– К субботнему вылету готов.

– Не надорвался в столице, получается? – одобрительно улыбнулся Звонарь, проглядывая документ. – А я, честно говоря, даже и не надеялся, что тебя так быстро обратно выцарапать получится.

– Ну я ж с пониманием...

– Ой да не заливай! – отмахнулся от меня Звонарь. – Будто я себя в твои годы не помню! Альберт, поди, под дулом револьвера в дирижабль загнал.

– Нет, он увещеваниями ограничился.

Макар Демидович фыркнул, кинул лист с заключением на стол и спросил:

– Ещё что-то?

– Да много всего! – вздохнул я, поколебался недолго и в итоге озвучил самую животрепещущую и неотложную проблему: – Мой начальник в Бюро интересуется, сколько я ещё в Службе реабилитации пробуду. Говорит, чтоб или туда, или туда на постоянку уходил. А то, мол, работать некому.

Звонарь нахмурился.

– Какая муха Роберта Марковича укусила?

– Не, – мотнул я головой. – Его в комендатуру перевели, уж не знаю на время или навсегда, это начальник управления физической защиты вопрос поднял.

– Из молодых да ранних кто-то? – хмыкнул Макар Демидович. – Скажи ему, что такого рода вопросы находятся вне его компетенции. Или это в первую очередь тебя самого волнует?

– Да не особо на самом деле...

– Отработаешь у нас столько, сколько будет нужно! – заявил Звонарь и, чуть смягчив тон, добавил: – Ситуация сам, понимаешь, непростая, мы людям жизни и здоровье спасаем. А когда именно минует кризис, так сразу и не скажу.

– К слову, о спасении здоровья, – воспользовался я okazji перевести разговор на другую тему, – а можно я в рамках реабилитации раненых технику бессимптомных воздействий задействую? Думаю, получится более длительный терапевтический эффект обеспечить.

Макар Демидович бросил хмуриться и задумался.

– Попробуй, – разрешил он. – Но только под присмотром. Не знаю, кто сегодня в отделении интенсивной терапии дежурит, поговори с Федорой Васильевной на этот счёт.

– Хорошо, поговорю, – пообещал я, поднимаясь со стула, и выложил на стол два ходатайства. – Завизируйте, пожалуйста!

Звонарь взял листки и вчитался в текст, после чего попросил:

– Вкратце суть исследования изложи.

– Влияние интенсивных физических упражнений операторов на скорость развития сверхспособностей и стабильность одного процесса.

– Не лишено смысла, – кивнул Макар Демидович. – Но ты же понимаешь, что недостаточно составить репрезентативную выборку по виткам и румбам инициации? Кто-то приехал сюда со спортивным разрядом, а кто-то сроду ничего тяжелее ложки не поднимал. Придётся срезывать на момент инициации и текущий момент делать, чтобы отследить именно что интенсивность упражнений.

– Так и собираюсь, – подтвердил я, и Звонарь к немалому моему облегчению размашисто написал на обоих листках «имеет смысл», после чего поставил закорючки подписей.

– Сам как развиваешься? Сравнивал уже мощность до и после командировки?

– На два киловатта подросла, – похвастался я. – Думаю, длительность резонанса тоже увеличится.

– Молодец! – похвалил меня Звонарь и указал на дверь. – Если всё, попроси зайти Нюру.

Я так и сделал, а сам отправился на дежурство. Не могу сказать, будто там всё прошло так уж гладко, но и вчерашнего безумного бега по кругу тоже не случилось. Для начала работал с пациентами под присмотром Федоры Васильевны, а где-то через час смог опуститься на табурет и перевести дух. Пусть и приходилось каждые пять минут проверять состояние больных, а заодно корректировать и усиливать энергетические вибрации, которые и обеспечивали терапевтический эффект, но пять минут – это пока руку не набил, дальше, пожалуй, смогу и по полчаса своими делами заниматься.

– Только не переборщи с интенсивностью, – попросила Федора Васильевна, – иначе другим с ними сложнее работать будет.

В итоге за время дежурства я успел частично разобрать позаимствованные у однокашников конспекты, какие-то решил вернуть, какие-то отложил, чтобы переписать. Но это уже не сегодня. Сегодня у меня по плану тренировка. Ещё были свежи воспоминания о сшибке с Михеем, лениться и халтурить я не собирался. Выход на пик способностей – дело нескольких лет, а кто знает, когда в очередной раз голову в пасть льву сунуть придётся?

– На йогу когда придёшь? – уточнила Федора Васильевна, оценив напоследок состояние пациентов.

– Завтра буду, – пообещал я и отправился в институтский спорткомплекс, но когда переоделся и вышел в основной зал, то обнаружил там что-то вещавшего своим ученикам господина Горицвета, а ни Малыша, ни его подопечных на месте не оказалось.

На глаза попался Лев, он медитировал в дальнем углу, и отвлекать товарища я не стал, вместо этого завертел головой по сторонам. Яков Беляк подошёл и с недовольным видом произнёс:

– Ваши на полигоне!

– Благодарю! – кивнул я заместителю председателя студсовета, который подтянул технику рукопашного боя настолько, что уже самостоятельно проводил занятия для новичков.

Полигон предназначался для отработки боевых воздействий и создания конструкций, чья детонация была чревата масштабными разрушениями, а потому располагался на окраине студгородка, и хоть рванул я туда со всех ног, но и так прилично опоздал, в силу чего удостоился от Александра Малыша не самого тёплого приёма.

– Ну посмотрите только, кто явился! – выдал он, хрустнул костяшками пальцев и распорядился: – Разогревайся в темпе, сейчас начнём!

Я хоть и пробежался, возможность размяться упускать не стал и отошёл к остальным, заодно и перездоровался со всеми. Помимо моих сослуживцев по резервной группе на тренировку подошли Карл и Сергей Брак, которого в наш немногочисленный коллектив включили по протекции Альберта Павловича.

– Наконец-то! – скривился, пожимая мне руку, Максим Бондарь. – Я из-за тебя всё самое интересное пропустил!

Я придержал его, не спеша разжимая пальцы, и уточнил:

– Это как так?

– Да с этими поставили нянчиться! – кивнул Макс в сторону приятелей-пролетариев.

Те в долгу не остались.

– Это ещё разобраться надо, кто с кем нянчился!

– Прекращайте галдёж и разогревайтесь короче, бестолочи! – рявкнул Малыш. – Сегодня без внешних воздействий работать будете! Карл, Матвей, давайте сюда!

– Меня Мефодием зовут, – напомнил студент, но впустую.

– Начали! – дал им отмашку Малыш. – Брак! Ну-ка не филонь!

Бондарь отошёл к турнику, закрутил солнышко, а Сергей Клевец начал приседать и попутно пояснил мне:

– Близняшек в связистки перевели, Пахоту в штурмовой взвод, ещё и Митю непонятно куда услали, вот этот балбес и возомнил, будто контрразведчики его к себе возьмут, а хренушки! Вместе с нами на лесной полустанок отправили снимать с поездов тех студентов, что на фронт намылились.

Я начал делать махи руками и уточнил.

– А это где такой?

– Да на железке до Зимска, – подсказал отдувавшийся после отжиманий Илья Полушка. – С субботы там сидели, вчера только в город вернулись.

– Студентов переловили – жуть! – похвастался его приятель. – Из энергетического техникума тоже народ валом валил. Ну и разных мутных личностей хватало.

«Вы наловили, а мне теперь за вами бумажки оформлять», – мысленно посетовал я, вздрогнул и оглянулся на регбистов, которые сшиблись с такой силой, что земля дрогнула и пыльное облако метров на пять поднялось. При этом таким уж богатырским сложением студенты отнюдь не отличались, упор они в первую очередь делали на оперирование сверхсилой.

Ну да – сверхрегби, всё верно.

– Профанация! – фыркнул проследивший за моим взглядом Карл, который после поединка с Матвеем болезненно морщился и потирал правый бок. – Мы их как котят раскидаем!

– Думаешь? – засомневался я.

– Научный факт! – объявил здоровяк, поднял сброшенное на траву полотенце и протёр им макушку. – Пиво пьём?

– Не. Это тебе хорошо – до общежития два шага, а мне домой до комендантского часа успеть нужно.

– Линь! – во всю глотку рявкнул Малыш, который бросил объяснять что-то Сергею Браку, и махнул мне рукой. – Хватит ворон считать! Поработай с Максом!

Памятуя о нашем прошлом спарринге, я на волю случая полагаться не пожелал и сразу задействовал структуру, дублировавшую прохождение сигналов нервной системы. Даже с учётом использования упрощённой вариации этой техники дался мне такой трюк несравненно легче прежнего, не пришлось даже погружаться в медитацию.

– Только не покалечьте друг друга, бестолочи! – напутствовал нас Александр Малыш. – Карл, работай с Браком! Задохлики, живо ко мне!

«Задохликами» тренер поименовал Илью и Сергея, но ершистые приятели-пролетарии и не подумали возмутиться, более того – двинулись к наставнику с откровенной опаской.

– Малыш, как погляжу, не в духе? – указал я на него Максу.

Тот кивнул.

– Контузило в самом начале, вот на фронт и не взяли.

– Серьёзно? Это где?

– Когда обер-полицмейстера брали, – подсказал Бондарь и помрачнел. – А я из-за тебя в это время в лесу куковал...

Стремительный рывок оппонента я едва не прозевал, лишь в самый последний миг успел шатнуться в сторону и сразу задействовал технику закрытой руки.

Блок! Блок! Блок!

– Не сходится! – ухмыльнулся я, разорвав дистанцию. – Обер-полицмейстера должны были в пятницу вечером брать, а вас на железку только в субботу спроводили!

Макс едва уловимым глазу движением скользнул вперёд, но на сей раз я отступить не стал и контратаковал, превратив кулаки в подобие двух чугунных чушек.

Блок! Хук! Прямой в голову!

Соперник вовремя поменял технику и ушёл от прямого столкновения, я шумно выдохнул:

– Да и не твой это профиль!

– Твой, можно подумать! – окрысился Макс.

– Матвея!

Мы вновь сшиблись и, в отличие от наших прошлых учебных поединков без задействования внешних воздействий, Бондарю не удалось перехватить инициативу и получить безоговорочное преимущество, достаточное для победы по очкам.

– Брейк! – крикнул нам Малыш, который уже успел повалить по земле Илью и Сергея, обоих разом. – Линь, давай сюда! Матвей займись Максом, а то он сегодня как сонная муха!

«Довыпендривался», – вздохнул я, но вопреки опасениям тренер так уж сильно не зверствовал, просто решил прощупать меня и оценить нынешнюю форму. Прощупал и оценил, а как после этого я очутился распростёртым на земле с гудящей от удара головой, честно говоря, и не заметил даже.

– Скорость – это немало, – заявил Малыш, протягивая руку, – но техника важна ничуть не меньше!

Я принял его помощь, поднялся и мотнул головой.

– Кто бы спорил!

– Так работай! – напутствовал меня тренер и рывкнул: – Макс, ну хватит уже танцевать!

– Да у нас весовые категории разные! – отозвался Бондарь, который в обычном спарринге ничего Матвею Пахоте противопоставить не мог.

Я отправился отрабатывать удары на боксёрских мешках, Малыш ещё несколько раз подзывал меня к себе, а под конец поставил против Матвея, но к этому времени мы оба уже окончательно выдохлись – пусть я и уступил с разгромным счётом, зато обошлось без нокаута.

– Как дома? – спросил я, когда мы тяжело отдувались после спарринга.

– Все живы-здоровы, – ответил бугай.

– Варе привет передавай.

– Обязательно.

Я стянул промокшую из-за пота и серую от пыли майку, спросил:

– Чем занимался?

Матвей провёл большим пальцем, будто закрывал рот на молнию, после развёл мощными ручищами.

– Велели язык за зубами держать. – Он вздохнул. – А в столицу меня не взяли. Говорят, там другие спецы нужны. Брешут, поди?

– Да нет, – покачал я головой. – Почему брешут? Туда сейчас десантников перебрасывают и особый дивизион. Вот как город зачистят, так и до вас очередь дойдёт.

Бугай только фыркнул.

– Не, меня точно не возьмут. Для столицы рожей не вышел. Да и тебя, вон, тоже обратно выперли.

– Ну чего ты собираешь? Василь с Машкой там неплохо устроились! – напомнил я.

– Василь тот ещё проныра, куда угодно без мыла пролезет! – нахмурился Матвей. – А Машка – красotka каких поискать! Мужиками только так крутит!

– Допустим, – не стал я спорить и воспользовался случаем перевести разговор на интересующую меня тему. – А как же Барчук, Михей и Антон? Их тоже в столицу перевели! Кто из них такой уж пробивной? Барчук разве что...

– Вот именно что Барчук! – кивком подтвердил бугай. – Думаешь, их с бухты-барахты в ВОХР взяли? Не-а! Как Дыбу из учебного отделения выжили, так Маленский туда лыжи и наострил. Он раз пять перевестись пытался, пока не выгорело!

– Ты откуда знаешь?

– Да общались время от времени на тренировках.

Мне даже изображать удивление не пришлось, заинтересовался словами собеседника совершенно искренне.

– На каких ещё тренировках? Где?

– В комендатуре, где ещё? – удивился странному вопросу Матвей, вытирая лицо стянутой с мощного торса майкой.

– Да уж понятно, что не в институте! – фыркнул я. – Но тебя же к себе Анатолий Аркадьевич забрал, ещё когда я там служил! Обратно в общую группу перевели, что ли?

– Почему – в общую? – насупился бугай. – Мастер просто и Барчука, и Михея к себе взял. Да и у Митрича тоже с ними пересекались. Не знаю, куда Антона понесло, а эти двое серьёзно к переводу готовились!

Я во все глаза уставился на собеседника.

– Мастер занимался с Барчуком?! И Михал Дмитрич тоже?

Даже голова от столь неожиданного поворота кругом пошла. Немудрено, что Михей таким крепким орешком оказался!

Но – как? Как эта парочка сумела попасть в обучение к лучшему наставнику ОНКОР? Сами договорились? Или кто-то оказал протекцию?

Наверное, я не уследил за выражением лица, и Матвей насторожился.

– А что ты так удивляешься? Занимались и занимались.

– И это ты Василя пронырой назвал, да?

Бугай пожал мощными плечами.

– Они с Барчуком одного поля ягоды. Вот таких в столицу и берут. Активных...

Последнее слово Матвей чуть ли не выплюнул, будто кто-то из руководства успел попечить ему на недостаточную социальную активность и сознательность. Не иначе и в самом деле на отправку в столицу рассчитывал.

– Ладно! – махнул он рукой. – Варька заждалась, бежать пора.

– Может, по чаю?

– Точно не сегодня. Бывай!

Он попрощался со всеми и первым ушёл с площадки, а мы ещё немного разминались, после чего двинулись к спорткомплексу. Карл пристроился рядом со мной, пихнул в бок и предложил:

– Ну так что – по пиву?

– Давай лучше по квасу. Посидим чуток в буфете, и я домой рвану. Мне конспектов переписывать – просто жуть сколько. Я ж две недели пропустил!

– Да успеешь ещё переписать! Другое дело, что комендантский час...

– Вот-вот!

Мы приняли душ, переоделись и потопали в буфет. Карл взял себе два стакана чёрного чая без сахара, я – кружку кваса, а заодно пяток пирожков с картошкой.

– А ты чего пустой чай пьёшь? – спросил у приятеля.

– Худею, – то ли в шутку, то ли всерьёз ответил тот. – Ладно, как там в столице? Рассказывай!

Пришлось поведать об осаде республиканского комиссариата в первый день мятежа, да ещё я пересказал услышанные от Стройновича новости, потом взглянул на часы и засобирался.

– Идти пора!

Карл в пару глотков допил чай и тоже поднялся на ноги.

– Провожу.

Мы вышли на улицу и уже двинулись к проходной, когда навстречу попала компания студенток с красными нарукавными повязками.

– Мальчики, привет! – помахала нам Марина Дичок. – Петя, ты куда пропал?

– В командировке был, – пояснил я. – А вы откуда такие нарядные?

– На Текстильке дежурили, всякое хулиганье гоняли, – пояснила барышня. – Пока-пока! Она поспешила вслед за подружками, а Карл глянул ей вслед и вздохнул.

– Вот это я понимаю – активная гражданская позиция!

– И задница у неё тоже ничего так, – поддакнул я.

– И задница... – признал Карл, потом опомнился и глянул на меня с обидой. – Да ну тебя, Пьер... Тьфу-ты, Петя!

– Тьфу – не надо, – ухмыльнулся я. – Да ты на неё никак запал, а? Или у вас тогда что-то в доме отдыха было?

– Да ничего не было! – возмутился здоровяк. – Ты чего? Я ж со своей с первого курса! Ну сейчас уже не знаю даже... Блин, как всё сложно-то!

– Ну так пригласи Маринку куда-нибудь. Тебе ж не обязательно сразу на ней жениться!

– Давай не будем об этом, – попросил Карл.

Я взглянул на часы и присвистнул.

– Ага, не будем. Всё, я убежал!

Глава 3

Разбирал и переписывал одолженные конспекты я часов до двух ночи. Попутно раз за разом запускал пластинку с ритмом источника-девять и культивировал в себе его гармонию, что вскоре начало выходить само собой и от занятий уже не отвлекало.

Утром перекинулся парой слов с Мишей Поповичем и отправился в институт. Раздал большую часть тетрадей и набрал новых, прилежно отучился две пары, а вот с третьей ушёл, поскольку заменять старшего советника Спаса поставили молодого преподавателя, который до того вёл у нас семинары.

Вместо посещения лекции по праву я засел в своей каморке в лабораторном корпусе и занялся разбором протоколов о задержании студентов РИИФС в момент пересечения теми границы особой научной территории. Изредка попадавшиеся случаи банального нарушения общественного порядка я сразу откладывал в сторону, решив оставить их напоследок. При этом не забывал выписывать на отдельный листок установочные данные всех фигурантов, и список этот получился отнюдь не маленьким – набралось в нём под две сотни фамилий.

– Какой только ерундой заниматься не приходится ... – с тяжким вздохом произнёс я, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что несравненно больше пользы сумел бы принести не только на фронте, но даже просто в палате интенсивной терапии.

Ну да деваться было некуда – приступил к очередной сортировке бумаг. На сей раз разделял индивидуальные и групповые попытки покинуть Новинск. Вторых оказалось заметно больше первых. Тогда уже начал вникать в суть написанного, и при всём своём неоднозначном отношении к Максиму Бондарю – а большинство протоколов составил именно он, – придраться ни к чему не смог. Почерк был разборчивым, вопросы – правильными, а стиль изложения – лаконичным.

Кто, когда, при каких обстоятельствах и самое главное – зачем. Нет, не с какой целью было осуществлено задержание, а что именно правонарушитель заявлял о причинах, побудивших его предпринять попытку покинуть особую научную территорию без получения соответствующего разрешения в компетентных органах. Разумеется, только самый недалёкий болван заявил бы в такой ситуации, что намеревается примкнуть к мятежникам, но не так-то и просто сохранить ясность мысли, когда тебя снимают с поезда вооружённые до зубов бойцы комендатуры. Простой человек запросто может лишнего наговорить. И даже если нет – установить политические убеждения труда не составит, достаточно будет в ректорате характеристики запросить, там благонадёжность отразят в обязательном порядке.

А вот с банальными вроде бы случаями нарушения общественного порядка всё оказалось далеко не столь просто, как представлялось мне изначально. Драки и несанкционированное оперирование сверхэнергией перемежались пьяными выходками, танцами на столах полуобнажённых барышень и прочими непотребствами, эти эксцессы категорически не укладывались в какую-то общую схему и потому требовали индивидуального рассмотрения, а противоречивые показания фигурантов и не слишком толково составленные протоколы мою задачу отнюдь не облегчали.

Если большинство беглецов на фронт при отсутствии прочих отягчающих обстоятельств заслуживали разве что строгого предупреждения, то как прикажете поступить с аспирантами, устроившими потасовку из-за спора о наличии жизни на Марсе прямо во время семинара?

Впрочем, ломать голову на этот счёт я покуда не стал, пометил в своём списке фамилии студентов, к которым следовало проявить особое внимание, и отправился переговорить с Касатоном Стройновичем в надежде, что тот ещё не ушёл на обед.

Как оказалось – не ушёл. Но и не работал, а внимал разглагольствованиям худощавой брюнетки, которая уместилась на краю его рабочего стола и раскрепощённо покачивала строй-

ной ножкой, не обращая внимания на задрывшуюся выше колена юбку. И даже так смотрел на посетительницу заместитель председателя студсовета без всякого энтузиазма.

– Ну согласись, стабильность и предсказуемость инициации без использования гипнокодов попросту невозможны! – вещала Эля. – А наша инициатива как раз и направлена на обработку ими соискателей!

– Ты уже говорила, – подтвердил Касатон и поманил меня рукой. – Петя, заходи! Заходи! – После вновь обратил своё внимание на посетительницу. – Элечка, дорогая... Ты не оставишь нас? Это по работе.

Брюнетка раздражённо фыркнула, соскользнула со стола и оправила узкую юбку.

– Наша инициатива ничуть не менее важна!

– Но у вас сроки пока не горят, так?

Эля развернулась и вышла из кабинета, порывистым движением захлопнув за собой дверь.

– Знал бы, что она такая нудная, ни в жизни бы не связался, – с тяжким вздохом поведал мне Касатон. – А вот в постели – просто огонь! Вообще никаких комплексов!

– Ну и не жалуйся тогда, – усмехнулся я.

– С чем пришёл?

– Надо характеристики запросить на фигурантов, – пояснил я. – Список у меня есть, направишь в ректорат?

Касатон взял листок с перечнем правонарушителей, наскоро просмотрел его и уточнил:

– Сильно занят сейчас?

Я вытянул за цепочку часы, отщёлкнул крышку и покачал головой.

– Не особо.

Касатон Стройнович поднялся из-за стола и указал на пишущую машинку.

– Тогда перепечатай список, я с обеда вернусь и подпишу. Если раньше управишься, оставляй, потом заберёшь. – Он взглянул в окно и ругнулся вполголоса. – Вот же неугомонная! Так, я через чёрный ход!

Он ушёл, а я уселся за стол, передвинул к себе пишущую машинку и заправил в неё два листа, проложив их копиркой. Особым опытом работы с такого рода агрегатами похвастаться не мог, но мне в отличие от машинисток осваивать метод десятипальцевой слепой печати и не было нужды – начал бить по клавишам отдельными кинетическими импульсами. Загрохотала машинка почище пулемёта, зато и управился куда быстрее, чем если бы мучился и жал клавиши пальцами.

Стройнович к этому времени ещё не вернулся, так что я оставил одну из копий у него на столе и вышел на улицу. А там бушевали нешуточные страсти. Заявлениям Эли о преимуществах повсеместного внедрения гипнокодов оппонировало сразу несколько человек, и накал страстей был ничуть не меньше, нежели на политических манифестациях.

«Заняться больше нечем», – мысленно проворчал я и двинулся в горбольницу. На сей раз манипуляции Лизаветы Наумовны уже не произвели столь сильного впечатления, поскольку я раскусил принцип оказываемого ею воздействия и стал достаточно успешно ему сопротивляться. Вкупе с природной защитой мои потуги оказались достаточно эффективны, Лизавета Наумовна по завершении сеанса задумчиво хмыкнула и заявила:

– Пожалуй, завтра закрепим результат и на этом всё. Пусть ты и не вполне абсолют, но бормашиной тебя и вправду проще пронять.

Меня аж передёрнуло.

– Так себе шутка.

– Ой какие мы нежные! – улыбнулась Лизавета Наумовна и попросила: – Скажи, чтоб следующий заходил.

Я так и поступил, взглянул на часы и понял, что пообедать мне сегодня не светит, поэтому рванул в лабораторный корпус на процедуры. Что несказанно порадовало – так это выданные к травяному чаю козинаки из залитых мёдом обжаренных кузнечиков. С непривычки от такого угощения и наизнанку вывернуть могло – кого-то и выворачивало даже! – а я давно распробовал. Очень вкусно, особенно если с закрытыми глазами откусывать. С теми же студнеобразными грибами не сравнить.

Наелся, напился, полез в бассейн с грязью. Генерация электроэнергии прошла в обычном режиме, а дальше пришлось долго и тщательно отмываться, благо эту процедуру сильно облегчило отсутствие волос на голове.

Когда я вновь наведлся к Стройновичу, тот уже вернулся с обеда и подписал мой запрос, но придержал его у себя и спросил:

– А дальше что? Что рекомендовать будешь?

– Строгое предупреждение?

Касатон поморщился.

– И всё?

– А что ещё? – удивился я. – Не обязательные же работы? Там же половина из актива военной кафедры! Нас не поймут!

– Не поймут, – согласился Стройнович. – И студсовет не репрессивный орган. Но и просто оставить столь серьёзное правонарушение без последствий не получится. Сам посуди: вот сейчас мы всех простим, а мало ли кто под таким соусом Новинск покинуть захочет? В комендатуре точно спасибо не скажут! Да и неправильно это!

– Неправильно.

– Вот! – воздел мой собеседник к потолку указательный палец. – Нам важно не зарубить на корню благой порыв наказанием, а направить инициативу в нужное русло. И заодно поместить всех под надзор, дабы выявить паршивых овец и тех, кто просто поддался порыву в силу эмоций и авантюризма, а не идейности.

Я пожал плечами.

– Может, их по разным отрядам студенческой дружины раскидать? Девчонки над Текстилкой шефство взяли, им точно помощь не помешает.

– Нет, плохая идея, – покачал головой Стройнович. – Насчёт дружины с тобой полностью согласен, но для начала пусть на территории студгородка работают. И брать в дружину станем только добровольцев.

Неожиданно в коридоре хлопнула дверь, послышались громкие крики:

– Касатон! Касатон! – И почти сразу в кабинет ворвался взъерошенный старшекурсник – тот самый, что вчера сидел за радиоприёмником. – Ты у себя? Декрет о безопасности приняли!

– И что там? – вскочил на ноги Стройнович. – Всеобщую мобилизацию объявили или опять полумерами ограничились? Ввели военное положение?

Студент зашелестел блокнотом.

– Военное положение не ввели, и мобилизация не всеобщая, а частичная, – сказал он, – но не это главное! Главное, что обе палаты парламента распустили и кабинет министров упразднили, вместо них учреждён совет республиканских комиссаров. И на время чрезвычайного положения деятельность всех политических партий и объединений приостановлены!

– Вот! Это дело! – обрадовался Касатон.

– Подождите-подождите! – озадачился я. – Вообще всех партий? И РСДП тоже?!

Стройнович только фыркнул.

– Ну что ты как маленький? – снисходительно посмотрел он на меня. – Решили лодку не раскачивать и не давать повода для беспорядков, вот все партии под заморозку и попали. А как ситуация стабилизируется и гайки закрутят, так и сделают послабления для прогрессивных партий, а реваншистов-консерваторов распустят! Теперь заживём!

– Ура! – рявкнул студент, вскинув над головой кулак. – Слава республике!

В ректорат я отправился с идущей кругом от неожиданных известий головой. Хотелось обсудить их с кураторами, но даже находишь кто-то из них в Новинске, из этого бы, пожалуй, ничего не вышло: на пустопорожние разговоры не было свободного времени ни у них, ни у меня самого.

Новости о кардинальных изменениях в государственном устройстве распространились по студгородку с быстротой лесного пожара, все только об этом и говорили. И не просто говорили, но спорили до хрипоты, трактуя те или иные нововведения то в силу своего понимания, то исходя из политических убеждений. Всюду замелькали красные повязки дружинников, начали попадаться на глаза и мои сослуживцы по Бюро оперативного реагирования, но в целом ситуация вмешательства не требовала по той простой причине, что затянувшиеся безвластие и неопределённость уже успели всем опостылеть и новости были встречены преимущественно положительно.

Под окнами ректората даже начался митинг – там звучали лозунги и требования свободных выборов в наблюдательный совет особой научной территории, реяли флаги, а принимали участие в стихийной манифестации не только студенты и аспиранты, но и преподаватели из числа молодых и социально-активных. И, судя по присутствию среди сторонних наблюдателей сотрудников оперчасти Бюро, без отметок в их личных делах точно не обойдётся.

Я обошёл столпотворение стороной, поднялся в ректорат и сдал запрос на предоставление характеристик проштрафившихся студентов, заодно попытался всучить ходатайство о получении доступа к медицинским записям в рамках реализации исследовательского проекта, но был отфутболен в Бюро оперативного реагирования.

– Только после согласования с ними в работу примем! – отрезал заведующий канцелярией.

Я не удержался от тяжёлого вздоха и уточнил:

– А что насчёт медиков? Визы Звонаря достаточно будет или дополнительно согласовывать придётся?

– Достаточно, не переживай! – уверил меня заведующий. – А вот без Бюро не обойтись.

Это всё самым решительным образом осложняло, да только деваться было некуда, вот и поспешил в Бюро, решив заодно показаться на глаза начальнику управления физической защиты. А то очередной выговор за неисполнение приказа влечёт, тогда точно уволят.

На проходной я немного поколебался, но всё же решил подстраховаться и первым делом сходил в отдел кадров, где получил выписку из своего личного дела с указанием занимаемой должности, которую и прикрепил одолженной скрепкой к ходатайствам. После заглянул в приёмную директора, сдал бумаги и попросил секретаря при первой же возможности занести их на визирование. И уже только после этого отправился к Вязу.

Прекрасно отдавал себе отчёт, что ответ Звонаря его не просто не удовлетворит, а прямо-таки взбесит, но вместо неуверенности испытал злорадное удовлетворение.

Накося выкуси, как говорится! Накося выкуси!

В итоге всё пошло совсем не так, как успел себе навоображать. Вяз не стал ни орать, ни брызгать слюной, остался предельно спокоен, будто иного ответа и не ожидал, словно по пять раз на дню слышал, что некий вопрос находится вне пределов его компетенции.

Он выдвинул средний ящик стола, выложил из него лист писчей бумаги, катнул мне перьевую ручку и потребовал:

– Пиши!

– Что именно? – озадачился я.

Вяз глянул, ровно шилом пырнул, и ещё менее добро улыбнулся.

– Заявление об увольнении по собственному желанию! Что же ещё?

Пусть я прекрасно отдавал себе отчёт, что рано или поздно дойдёт и до этого, сейчас к подобному повороту оказался откровенно не готов, в первый момент даже решил, будто ослышался. Переспросил:

– Что, простите?

– Пиши заявление по собственному желанию, – медленно и чётко повторил Вяз.

Я и не подумал взять ручку, ответил решительным отказом:

– Не собираюсь.

Начальник управления физической защиты хмыкнул и поднялся из-за стола. Был он немногим выше меня и заметно шире в плечах, да и как оператор мощностью наверняка серьёзно превосходил, но я даже не шевельнулся.

– Ты уже третью неделю не выходишь на службу! – повысил голос Вяз и демонстративно хрустнул костяшками пальцев. – Остальные тащат работу за тебя! Рисковали жизнью, пока ты разъезжал по командировкам! Хочешь мыть пробирки в лаборатории – да бога ради! Хочешь работать в больнице – вперёд! Но не занимай чужое место! Всем будет лучше, если ты уволишься!

Я резко мотнул головой.

– Не думаю.

Вяз определённо начал терять терпение, но на крик всё же не сорвался.

– Пока ты числишься у нас, я не могу взять никого даже на временную ставку! Группе приходится действовать не в полном составе, а это до добра не доведёт! Ты ставишь под угрозу жизни сослуживцев! Ты отдаёшь себе в этом отчёт?!

В иной ситуации я бы, наверное, даже проникся, но не в этот раз.

– Ну что ты молчишь? – подался вперёд начальник управления физической защиты. – Пиши заявление!

– Не стану.

Вяз несколько раз шумно выдохнул и недобро улыбнулся.

– У тебя уже есть строгий выговор, хочешь ещё один схлопотать? Так схлопочешь, это я тебе обещаю! Лучше увольйся сейчас по собственному желанию – если вылетишь по статье, встанет вопрос о твоей благонадёжности! Ты это понимаешь?

– Так точно!

– Ну и?

– Увольняться не стану.

– Пошёл вон!

И вот этот приказ я выполнил с превеликой готовностью и без малейшей заминки. Крутанулся на месте, повернул дверную ручку и покинул кабинет, никак не выказав, что меня проняло до самых печёнок. Вроде столько всего повидал и пережил, а с людьми ругаться как не любил, так и не люблю.

Без особой надежды на удачный для себя исход дела я заглянул в приёмную директора и вопросительно посмотрел на секретаря.

– Уже занёс, – пояснил тот. – Можешь подождать.

Я за цепочку вытянул карманные часы, отщёлкнул крышку и обнаружил, что до дежурства остаётся всего лишь пятнадцать минут – как раз дойти до горбольницы и переодеться. Но, прежде чем успел сказать, что приду завтра, из своего кабинета в приёмную выглянул исполняющий обязанности директора.

– Витя, забери бумаги! – попросил сутулый господин лет пятидесяти на вид с морщинистым лицом и очками в роговой оправе.

«Сожрёт меня Вяз при таком начальнике-то, – с тоской подумал я. – Ох, сожрёт...»

И будто самого себя этим упадническим настроением сглазил – стоило только секретарю принять пухлую папку с подписанными документами и вернуться за свой стол, как распахнулась дверь и приёмную быстрым шагом пересёк господин Вяз.

– У себя? – на ходу спросил он и вроде как даже ответа никакого не дождался, сразу без стука прошёл в кабинет.

Тут уж я не сплеховал и весь обратился в слух. Самым натуральным образом – благо создание фокусирующей звуки конструкции никакой сложности не представляло, а дверь за собой Вяз прикрыл не слишком плотно.

– Владимир Михайлович! – сходу обратился он к исполняющему обязанности директора. – Считаю недопустимой ситуацию, сложившуюся с заместителем командира резервной группы Линем!

«Вот ты ябеда», – мысленно попенял я ему в ожидании ответа хозяина кабинета.

– А что с ней... с ситуацией, то бишь, не так? – спросил тот без всякого интереса в голосе.

– Сначала его вопреки моим рекомендациям отправляют в двухнедельную командировку, теперь и вовсе прикрепляют к Службе реабилитации, а нам нужен на этой должности человек, который будет работать!

Секретарь отыскал в папке сцепленные скрепкой ходатайства, я принял их, с несказанным облегчением обнаружил на обоих листах резолюцию «не возражаю», но вот так сразу уходить не стал и сделал вид, будто разбираюсь в написанном. На самом деле – слушал.

– И что ты предлагаешь? – в лоб спросил исполняющий обязанности директора своего заместителя. – Уволить его?

– Да! – подтвердил Вяз.

– И на каком, позволь узнать, основании? – поинтересовался Владимир Михайлович. – Как мне докладывали, на момент формирования резервной группы в неё с целью повышения квалификации включили перспективных сотрудников иных структур, что подразумевало возможность дальнейшего их отвлечения, так скажем, на приоритетные направления!

– Ситуация изменилась! – отрезал Вяз. – С учётом новых задач мне нужен каждый человек! И потом у него уже есть строгий выговор! Он – ненадёжен!

– Выговор – не есть хорошо, – со вздохом признал хозяин кабинета. – Но взгляни на ситуацию с другой стороны: из этой вашей группы временно откомандированы пять человек, а уволим мы только одного...

– Это заместитель командира!

– Так назначь кого-нибудь исполнять его обязанности!

– Проблемы это не решит!

– Но зато и не создаст новых! – Послышался резкий хлопок ладонью по столу, после закрипело кресло. – Ты что же – предлагаешь мне сообщить подполковнику Звонарю, что мы увольняем его протеже, только его и больше никого? Понимаешь, как это будет выглядеть?

– Но...

– Нет, теоретически мы можем уволить вообще всех и даже расформировать группу! – продолжил распаляться Владимир Михайлович. – Давай сразу со всем корпусом рассоримся! Можем себе позволить! Но каковы будут последствия? Об этом ты подумал?

– Я ничего такого не предлагал! – пошёл на попятную Вяз.

– Значит, так! – вновь припечатал ладонь к столешнице директор. – Оснований для увольнения этого твоего Линя на текущий момент не вижу!

Секретарь озадаченно посмотрел на меня и уточнил:

– Всё в порядке?

Пришлось оторвать взгляд от документов и улыбнуться.

– Да, спасибо!

И дальше задерживаться в приёмной не было смысла, я вновь взглянул на часы и поспешил на выход. Едва не скатился по лестнице и со всех ног припустил в ректорат, сдал в канцелярию завизированное ходатайство и метнулся в горбольницу. В итоге заступил на смену без опозданий, даже отдышаться после стремительного забега успел.

Пока опекал четвёрку своих пациентов, попутно просматривал конспекты, ещё и с одной дипломной работой о разделении потенциала на два независимых ознакомился. Не понял почти ничего, но оно и не удивительно – всё же пятикурсник диплом готовил, а у меня теоретическая подготовка хромает. Учиться ещё и учиться.

После смены я ловко увильнул от разговора с Федорой Васильевной, спрятавшись от той в раздевалке, и на занятие йогой не пошёл, вместо этого засел в столовой. Поужинал, заодно набросал тезисы доклада, который поручил сделать доцент Паук за двухнедельный пропуск его лекций по теории создания энергетических структур.

Когда вышел на улицу, то наткнулся на очередную манифестацию. Это митинговали студенты-медики, интерны и прочие медработники из числа тех, что не падали от усталости с ног после дополнительных смен. Прошёл бы мимо, но взгляд зацепился за знакомые лица: с трибуны как раз вещали две барышни из студсовета: фигуристая шатенка и та, которую я окрестил серой мышкой. Такой уж серенькой она сейчас уже не казалась, держалась уверенно и нисколько не смущалась взглядов собравшихся. Ораторским талантом барышня обделена не была, не иначе именно по этой причине и оказалась избрана в студсовет.

Я уже протолкался через толпу и двинулся дальше, когда заметил эффектную платиновую блондинку. Присутствие на митинге Валентины Паль изрядно удивило, решил даже задержаться и понаблюдать за ней со стороны. И правильно сделал.

Покинув трибуну, обе барышни присоединились к Валентине и завели с той разговор, а медсестра внимала им со снисходительной улыбкой и качала головой, да ещё будто между делом погладила серую мышку – вспомнить бы ещё как её зовут! – по руке.

С учётом того, что я знал о Валентине, у этого общения запросто могло оказаться двойное дно, тут было о чём подумать, но – не стал. Потопал домой.

На следующий день пришлось пожертвовать лекцией по экономической теории. Половину этого времени распинаясь перед доцентом Пауком только лишь для того, чтобы тот разнёс мой доклад в пух и прах, а после эдакого конфуза я отправился в ректорат, но и там ждало разочарование, поскольку ходатайство как ушло обрастать визами, так обратно и не вернулось, зависнув у кого-то из ответственных лиц.

Бюрократы несчастные!

В газетном киоске я купил свежий номер «Февральского марша», сел на трамвай и покатил в комендатуру. Намеревался за время поездки ознакомиться с последними новостями, а вместо этого прилип к окну. Тут и воспоминания о старых добрых деньках накатили, и просто ситуацию в городе отследить пытался. Не до чтения было.

Попасть на территорию комендатуры оказалось не в пример сложнее прежнего – в силу усиления режима мои документы проверяли едва ли не под микроскопом, ещё и звонили дежурному для подтверждения их подлинности. Непонятного сотрудника Бюро оперативного реагирования РИИФС и вовсе завернули бы, но старшине особого дивизиона от ворот поворот дать не решились. А, быть может, я в каких-то списках значился, исключать этого было нельзя.

Увы, капитан Городец так и не вернулся из командировки, пришлось идти на поклон к комиссару Хлобу на свой страх и риск, без протекции куратора. Впрочем, совсем не факт, что Георгий Иванович согласился бы мне её оказать; запросто мог куда подальше послать, не пожелав вникнуть в суть просьбы. Как ни крути, сейчас у контрразведки настали горячие деньки, им не до каких-то там студенческих инициатив.

Секретарша доложила обо мне комиссару, тот велел пропустить. С момента нашей последней встречи господин Хлоб ничуть не изменился, всё так же был худощав, загорел дочерна и брит наголо.

– Ха! – усмехнулся он, стоило только мне перешагнуть через порог. – Постригся, смотрю! Я машинально провёл ладонью по бритой голове и вздохнул:

– Пришлось.

– А что так?

– Опалило чуток.

Комиссар Хлоб откинулся на спинку кресла и фыркнул.

– А и нечего космы отращивать! Не девка, чай.

– Так уставная стрижка была, – заявил я в своё оправдание, но хозяину кабинета эта тема уже наскучила.

– С чем пожаловал? – перешёл он к делу.

Я выложил на стол ходатайство. Хлоб глянул на него и поморщился.

– Подписей-то, подписей! Совсем вы там у себя в институте в бюрократии погрязли! – Он пробежался глазами по содержимому ходатайства и кинул его перед собой. – А теперь излагай своими словами!

Это проблемой не стало, но только лишь это. Комиссар нахмурился и покачал головой.

– Сразу могу сказать, что личные данные сотрудников комендатуры разглашению не подлежат!

– Мне личные данные без надобности. Только информация по динамике развития сверхспособностей, которую вы в любом случае в институт предоставляете. И не по всем сотрудникам, а лишь по курсантам, которых тут с нуля обучали.

Хлоб потёр подбородок.

– Мне это не нравится! – прямо заявил он. – Выносить личные дела не позволю!

– И не нужно, – уверил я собеседника. – Я с ними прямо здесь работать могу. Согласую с вами шаблон выписок...

– Да это всё понятно! – отмахнулся комиссар. – Это уже вопрос чисто технический. Для начала принципиальное решение принять нужно. Ты мне вот что скажи: этот ваш проект для галочки или и в самом деле толк выйдет?

– Точно не для галочки. А выйдет толк или нет – не проверим, не узнаем.

– Ладно! – махнул рукой Хлоб. – Оставляй. Если секретчики тебе доступ к личным делам согласуют, я возражать не стану. Ну а нет, уж не обессудь – против правил не пойду даже во имя науки.

Вердикт комиссара несколько не воодушевил, но разочарования я не выказал, даже поблагодарил Хлоба, прежде чем покинуть его кабинет. Если уж на то пошло, не имело особого значения, когда именно я получу доступ к личным делам курсантов: прямо сейчас или через месяц – главное, что получу. В крайнем случае придётся дожидаться возвращения из командировки Городца.

По сравнению с теми временами, когда я здесь служил, народу и техники на территории комендатуры изрядно прибавилось – не иначе перебросили подкрепление из пункта постоянной дислокации. Преимущественно на глаза попадались бойцы в форме отдельного научного корпуса, но и люди в штатском тоже встречались не так уж и редко, не иначе именно поэтому, пока я шагал к одному из пакгаузов, никто и не остановил меня и не поинтересовался, какого чёрта тут забыл гражданский.

Михаил Дмитриевич – кладовщик в чине прапорщика и по совместительству инструктор ножевого боя – обнаружился на своём обычном месте, он сидел в тиши и полумраке пакгауза, попивал квас и читал газету.

– О, Линь! – удивился Митрич моему появлению. – Какими судьбами?

– К комиссару по делу заехал, вот и решил заглянуть.

Прапорщик прищурился.

– Старику квас охладить?

– В том числе, – кивнул я. – Но ещё вопрос есть.

Хмыкнув, кладовщик выставил перед собой бидон, и я даже прикасаться к нему не стал, просто начал гасить тепловую энергию и остановился, лишь когда температура содержимого жестяной ёмкости приблизилась к паре градусов выше нуля.

Прапорщик налил себе охлаждённого кваса, сделал глоток и даже крикнул от удовольствия.

– Силён, бродяга! – Он улыбнулся и спросил: – Да спрашивай уже, спрашивай! Точно ведь невтерпёж, раз тренировки дожидаться не стал.

Я кивнул.

– Собственно, Михаил Дмитрич об этом и вопрос. Вы учеников из числа курсантов без протекции берёте? Ну, может, кто-то перспективным кажется...

Прапорщик покачал головой.

– Я, Петенька, учеников вообще не беру. Не мастер, чай.

Проигнорировав ехидные интонации собеседника, я обдумал его ответ и многозначительно заметил:

– Ну да, вам курсантов на перевоспитание приводят. Вроде как меня...

– Вроде как тебя, да, – подтвердил Михаил Дмитриевич, остро глянул и уточнил: – Тебя кто-то конкретный интересуется?

Я пожал плечами.

– Меня много что интересует, но лезть в чужие дела не стану. Не хватало ещё по шее получить.

А как иначе? Ясно и понятно, что кто-то из здешних чинов попросил за Барчука и Михея, вот прапорщик и взялся их натаскивать. Мастер – тот ещё мог перспективных курсантов на общих тренировках приметить, а вот Михаил Дмитриевич из другого теста слеплен, он за учениками не гоняется. И не приходят к нему, а приводят.

Кто привёл Барчука? Вопрос.

Но интересоваться этим, злоупотребляя хорошим отношением к себе, точно не стоило. Ответа в любом случае не получу, а осадочек останется.

Ну да ничего страшного – придётся действовать не столь прямолинейно, только и всего.

– По работе интерес возник или это личное? – в свою очередь уточнил прапорщик и приложился к кружке с квасом.

– Второе, – заявил я, поскольку сам до конца не мог объяснить себе, чем так важна личность покровителя Барчука.

Если подумать, за него вполне мог попросить тот же Дыба. Или даже кто повыше – всё же Маленский заметные успехи на курсах демонстрировал, такому не грех протекцию отказать. Если б не перевод в ВОХР и наша недавняя стычка, у меня бы и вовсе никаких сомнений на сей счёт не возникло. Но вот возникли же!

Прапорщик последовал моему примеру и в чужие дела лезть не стал, больше мы этой темы не касались, вместо этого обсудили обстановку в стране. После я пообещал со следующей недели снова начать ходить на тренировки, которые Михаил Дмитриевич проводил для актива военной кафедры, распрощался с ним и поспешил к трамвайной остановке.

Пора было возвращаться в институт.

Остаток пятницы и первая половина субботы пролетели словно одно краткое мгновение. Хоп! – и уже на аэродром выдвигаться пора. При этом я искренне полагал, будто достаточно

неплохо справлялся со своими делами, разубедил меня перехвативший на выходе из студсовета Касатон Стройнович.

– Петя, а где рекомендации? – спросил он.

– Какие рекомендации? – не понял я.

– По нашим правонарушителям! Ты вообще опрашивал кого-нибудь?

Я покачал головой.

– Нет, ещё. Характеристики жду.

– Да ты... – Касатон раздражённо глянул на меня и покачал головой. – Ты нам так всю работу запарешь! У нас же не только беглецы, у нас и бытовухи хватает! Пока ты материалы подготовишь, пока мы заседание проведём... Все сроки так пропустим!

О своей и без того чрезвычайной загруженности я говорить не стал по той простой причине, что мои проблемы никого в студсовете не волновали, да и претензии Касатона не на пустом месте родились.

– Займусь этим, – пообещал я.

– Сегодня!

– Сегодня уже не получится.

– Что значит – не получится? – возмутился Стройнович. – Петя, ты нам так все сроки сорвёшь!

– Бытовых правонарушений не так много, – возразил я, вытащил из портфеля стопку протоколов и зажал его под мышкой, начал перебирать бумаги. – Буду разбирать по случаю в день. А сегодня сам с фигурантами пообщаться можешь. Вот, глянь!

– Ты мне предлагаешь твою работу делать? – опешил Стройнович. – Думаешь, мне заняться больше нечем?!

– Ты глянь сначала! Позови кого-нибудь из замов, того же Беляка, проведёте следственный эксперимент...

Касатон шумно засопел, но всё же соизволил изучить протокол, после чего ухмыльнулся.

– Неплохая идея! – признал он. – Но с понедельника начинай работать. Чтоб без проволочек!

– Само собой! – пообещал я и поспешил в лабораторный корпус, нисколько не жалея о том, что пришлось пожертвовать делом о непристойных танцах на столах в кафе «Под пальмой». В конце концов, симпатичная барышня или не особо коленца там выкидывала – ещё не известно, а хорошие отношения с руководством не помешают совершенно точно.

Должен же быть у меня хоть какой-то противовес Вязу!

Между институтом и учебным центром ОНКОР курсировали пассажирские автобусы, а там до аэродрома было и вовсе рукой подать, добрался без проблем, ещё и прибыл на место первым. Время попусту терять не стал, засел в выделенной нам камерке и разобрал медикаменты, заодно приготовил всем травяной чай. После переоделся и взялся изучать очередную дипломную работу по разделению потенциала, а там и Герасим пожаловал.

– Что читаешь? – с порога спросил он, глянул на титульный лист и уточнил: – И как успехи?

– Пока никак, – чистосердечного сознался я, и мы обменялись рукопожатием.

– Ты грызи-грызи гранит науки! – напутствовал меня Герасим. – Только не сейчас. Все уже в сборе.

Я запихал дипломную работу в ранец и закинул его за спину, взял вещмешок с термосами и двинулся на выход.

– Здравия желаю, господин старшина! – поприветствовал меня Иван Кол.

Глеб Клич и Алик Балаган последовали примеру деревенского увальня, а Унтер подошёл и протянул руку.

– Давно не виделись!

Я пожал его широкую и жёсткую будто доска ладонь, спросил:

– Как поживаете, Андрей Мартынович?

– Неплохо поживаю. Грех жаловаться...

– Мы аэродром брали! – похвастался Иван Кол, и тут же получил от Унтера подзатыльник.

– Цыц! – шикнул на него Чешибок. – Не на людях же! В самолёте доложим!

Я распределил термосы, заодно спросил у пластуна:

– В Зимске были?

– Там, – подтвердил он, хлебнул травяного настоя и огладил ладонью вислые усы. – Постреляли немного даже.

Я оглядел подчинённых.

– Все целы?

– Тьфу-тьфу-тьфу! – трижды сплюнул Иван Кол через левое плечо. – Обошлось! Нас операторы прикрывали, такое творили – закачаешься!

Выглядел он непривычно воодушевлённым, а вот Глеб Клич вид имел кислый и хмуро потирал перечертивший щёку шрам.

– Ты чего такой смурной? – пихнул я его в бок и сам же предположил: – Две недели без баб и снова в тайгу?

– Ага, – вздохнул тот. – В понедельник-то хоть вернёмся?

– Вернёмся, – пообещал я и обратил своё внимание на Алика Балагана, который из всех сил пытался подавить то и дело растягивавшую уголки губ улыбку. – Бутылку давай!

Черноволосый живчик захлопал глазами.

– Какую бутылку?

– Лучше если водку. Если опять зубровку взял, два наряда получишь.

– Да ничего я... – начал было Алик, но осёкся и жалостливо протянул: – Да у меня две недели капли во рту не было! Чего теперь-то не выпить?!

– Того! – отрезал я, и Балаган с несчастным видом вытянул из заплечного ранца чекушку водки.

Стоявший за его спиной Унтер молча поднял руку с двумя выставленными вверх пальцами, и после недолгих препирательств я изъял и вторую бутылку, обе оставил в камерке. После этого мы сходили за оружием и холостыми патронами, потом выдвинулись на аэродром. Дожидавшемуся нас самолёту сразу дали команду на взлёт, я даже не успел толком опрос своих подопечных начать. Проставлял галочки на прихваченных с собой бланках уже после отрыва от земли.

– Чую, начинает припекать, – вновь первым отметил Унтер, когда я уже заполнил все листы.

Ну а дальше всё пошло по накатанной: травяной настой, инъекции спецпрепарата, какие-то таблетки и беспрестанно нарастающее жжение. Я успел от него порядком отвыкнуть, для удерживания состояния внутреннего равновесия пришлось даже дополнительные усилия прилагать.

Прожарило в Эпицентре на славу, давненько так не корёжило. Остальным тоже пришлось несладко, один только Герасим вёл себя как обычно – не иначе и без нас энергетической закалкой не пренебрегал. Ну или какую-то новую технику освоил, пока время было. Я вот – освоил. Не до конца и не совсем новую, но погасил деструктивные колебания, порождённые активным излучением Эпицентра почти сразу после того, как очнулся. Даже голова толком разболеться не успела.

И хоть экспериментировать и практиковаться на своих подопечных совершенно точно не стоило, я не удержался и попытался привести их внутреннюю энергетику к некоей услов-

ной норме просто за счёт снятия спазмов. Эффективность моих потуг оказалась не слишком высока, но даже так отпустило бойцов самую малость быстрее прежнего

Правда, Герасим осуждающе покачал головой.

– Глебу ещё в резонанс входить, – напомнил он.

– Пока до места доберёмся, от моего воздействия и следа не останется, – заявил я в ответ и вскрыл полученный от пилота пакет. – О, ради разнообразия сегодня просто отмахаем двадцать километров по лесу! Задача – не дать себя обнаружить патрулям.

– На нас аналитиков натаскивать будут, им поисковые техники отрабатывать нужно, – пояснил Герасим. – Почти всех курсантов по частям раскидали, вместо них выпускников военной кафедры завезли на сборы.

Глеб Клич потёр шрам на щеке и вздохнул.

– Два десятка вёрст? Сожрут нас комары!

– Окстись! – фыркнул Унтер. – Какие комары? Конец марта – в тайге ещё снег не сошёл!

Так оно и оказалось, но по итогам марш-броска все мы единогласно отдали своё предпочтение комарам и мошке. Тех хоть энергетическими воздействиями спалить можно, а через сугробы подтаявшего на солнце снега пробираться – хуже не придумаешь. В чащобе ещё куда ни шло, а на открытых участках маршрута намучились мы преизрядно.

Устали, промокли и замёрзли, а высушиться и согреться привычным для операторов образом не было никакой возможности, поскольку в сегодняшних вводных фигурировал прямой запрет на задействование сверхспособностей. В том числе нельзя было и хоть как-то пытаться противодействовать поисковым воздействиям. Герасим на вопрос о столь странных инструкциях только плечами пожал.

– Скорее всего, курсантов натаскивают выявлять операторов, прошедших инициацию в других источниках. Ну или сегодняшние результаты в качестве эталона использовать станут.

– Зачем ещё? – удивился Глеб.

– Чтобы эффективность наших маскировочных техник оценить, – предположил я.

– Так мы ничего не умеем!

– Научат ещё!

Какой из этих вариантов оказался ближе к истине я в итоге так и не узнал: числившегося куратором нашей группы старшего лейтенанта Пономаря в учебном центре не обнаружилось, а другие инструкторы к разговорам на отстранённые темы были не расположены. У них собственных забот хватало.

У нас, впрочем, тоже. Вопреки обыкновению времени на отдых нам не выделили и сразу отправили в медчасть. Ну и понеслось: недолгое общение с дежурным по блоку, инъекции спецпрепарата, работа с пленными операторами, затем – помощь Глебу и Герасиму в удержании гармонии источника-девять. Преимущественно Глебу, конечно. Герасим вполне мог позаботиться о себе и сам, его мне приходилось лишь страховать.

Ну а дальше я проглотил мерзкий студень жидких грибов, вколол себе дозу спецпрепарата и поймал ощущение всеобъемлющей правильности, для чего вытянул гармонию источника-девять из нихонца, попутно выбив узкоглазого из резонанса. Мир сделался простым и понятным, а я – цельным. Холодным ручейком потекла сверхсила, а ещё на самой грани видимости стробоскопическим эффектом проявились девять призрачных отражений электролампочки, они зависли надо мной, послужили то ли нематериальным якорем, то ли неким ориентиром – точкой отсчёта координат.

Погнали! Быстрее, быстрее, быстрее!

Следующие полторы минуты или около того, я будто на гребне волны нёсся, легко контролировал всё ускорявшийся и ускорявшийся поток сверхсилы, принимал её и разгонял

по организму, до предела наполняя свой потенциал. А когда вывалился из транса, то первым делом кинул быстрый взгляд на секундомер и не удержался от довольной улыбки.

Девяносто три секунды! Есть очередной личный рекорд!

Впрочем, не вылететь раньше срока из резонанса было лишь половиной дела, помимо этого требовалось не упустить контроль над потенциалом и постараться удерживать его в полном объёме столько, сколько только получится. И вот с этим возникли известного рода сложности, не помогла даже предельная концентрация. Сверхсила сочилась из меня вовне, растекалась во все стороны охлаждённым воздухом, оседала конденсатом, змеилась по стенам, потолку и полу толстым слоем изморози.

Я будто уподобился альпинисту, отчаянно цеплявшемуся ногтями в обледенелую скалу, а дам слабинку – и всё равно что в пропасть сорвусь. Шутка ли сказать – шестьдесят четыре мегаджоуля набрал! Ошибусь, и на молекулы не распылит, конечно, но в клочья разорвёт запросто. Точно знаю, лицемерел такое не раз и не два.

И я надрываться не стал, потихоньку стравил треть потенциала, а остаток привычным образом уплотнил и закрутил, превратил в энергетический волчок. Пусть и начало раскачивать из стороны в сторону, но равновесия я не потерял, толчком распахнул дверь процедурной, шагнул наружу и с помощью техники «Двойного вдоха» потянул за собой из комнаты не успевшую окончательно развеяться сверхсилу.

– Увеличение длительности на две секунды! – объявил встретивший меня в коридоре медик. – Поздравляю!

Я ему в ответ не кивнул даже. Поспешил на выход, раскачиваясь не хуже подвыпившего морячка. Быстрее, быстрее, быстрее!

Центральный узел в такт лихорадочным ударам сердца отдавал острой режущей болью, каналы звенели почище перетянутых струн, внутри что-то рвалось и смещалось, но я лихорадочным напряжением всех своих сил выправлял намечавшиеся искажения, а ещё раскручивал, раскручивал и раскручивал энергетический волчок.

Останавливаться нельзя! Никак нельзя!

Маршрут свой я согласовал заранее, до полигона добрался без проволочек и заминок, а там на отчаянном вдохе притянул сверхсилу, которой всё это время не позволял развеяться и заставил её закрутиться вокруг себя незримым смерчем.

Давай! Лети! Кружись!

Попутно я начал стравливать потенциал, тем самым всё ускоряя и уплотняя вращавшийся вокруг меня вихрь, а ещё заставлял сверхсилу концентрироваться и даже обращаться незримой режущей кромкой.

Действовал бы подобным образом в схватке с узколицым Григорием, его бы защита точно развалилась как гнилой орех!

Наверняка!

Я переборол вязкость ставшего каким-то очень уж неподатливым пространства, шагнул вперёд – и молоденькую ёлочку разметало на иголки и щепу, закрутило и перемололо в невосможную труху! От вросшего в землю гранитного валуна полетело каменное крошево, издырявленный корпус броневика сыпанул заклёпками, разорванный надвое стальной лист обшивки унёсся куда-то в темень позднего вечера, а сама конструкция завалилась набок.

Каждое столкновение сопровождалось выбросом сверхсилы, незримый волчок начинал дрожать и вилять, едва не вырываясь из-под контроля, а вскоре после того, как я прекратил подпитывать его за счёт внутреннего потенциала, с лёгким хлопком развалился; мне только и удалось, что не позволить полностью раствориться энергии.

Удержал её и окутался чуть искрящимся покровом, тогда-то Герасим и спросил:

– Разве взрывная шаровая молния не эффективней?

– Эффективней, – признал я. – Но она взорвалась и всё, а вихрь позволит выгадать время.

– Нормальный оператор разматывает его щелчком пальца!
– Далеко не все умеют закрываться от сверхсилы в противофазе. И поди ещё её распознай!

Герасим задумчиво хмыкнул.

– А что же двойной разряд?

– Не работает, – покачал я головой и пояснил: – Ни в кого не смог попасть. А раз через собственные каналы чуть не спалили. Даже ударить не успел...

Удержание потенциала почти в три десятка мегаджоулей и само по себе было непростой задачей, а в совокупности с задействованием техники «Двойного вдоха» выматывало и вовсе несказанно. Я обливался потом, жадно глотал раскрытым ртом воздух и отвечал отрывистыми рублеными фразами, а попутно прикидывал, какое бы ещё воздействие сейчас отработать.

Герасим запустил пальцы в волосы, взлохматил их и спросил:

– А если задействовать рассеянный выброс? Допустим, подобрать оптимальную плотность и за счёт скорости и эффекта противофазы сносить щиты и активные структуры?

Я задумался ненадолго и кивнул.

– Можно попробовать!

Откладывать это дело в долгий ящик не стал и сразу нацелил руку на опрокинутый броневик, но Герасим меня остановил.

– Нет, нет, нет! Тут материальное воздействие минимальным будет. Бей по мне!

– Уверен? – засомневался я. – Не коротнёт?

Герасим презрительно фыркнул и повторил:

– Бей!

Я на глубоком вдохе потянул в себя удерживаемую от рассеивания энергию, чтобы резким напряжением сконцентрировать её и отправить в Герасима, который уже сотворил стандартный экран и прикрылся им от меня.

Мигнуло и растеклось в воздухе северное сияние, экран потерял стабильность, но выплеск остановил.

– Увеличивай концентрацию! – объявил Герасим. – И быстрее бей! Резче!

Я обратился к внутреннему потенциалу и выплеснул сверхсилу вовне, рассчитывая на сей раз не только разрушить щит, но и сбить оппонента с ног.

Пустое! При ударе об экран мой выброс расплескался, и пусть защитная конструкция тоже развалилась, вызванный атакой эффект не удовлетворил ни меня, ни Герасима.

– С концентрацией порядок, попробуй увеличить скорость.

Я попробовал. Раз, другой и третий – всё без толку.

– Не работает! – развёл руками Герасим. – Что-то ты не докрутил.

– Точно! – прищёлкнул я пальцами. – Не докрутил! Готов?

– Давай!

На сей я закрутил остатки потенциала волчком, как-то неожиданно легко поймал состояние идеального равновесия, но даже так выплеснул сверхсилу ничуть не быстрее обычного, просто успел её чуток подкрутить и придать выбросу некую упорядоченность – если прежде будто водой плескал, то сейчас сверлом ввинтил.

Хлопнуло! Сверкнуло! Во все стороны разлетелись искры, а Герасима откинуло на шаг назад, волосы его встали дыбом, сильно запахло озоном.

– Ого! – поразился мой наставник. – Лихо!

– Ты в порядке? – забеспокоился я.

– Хорошо, что заземление предельно усилил, а то бы ещё не так трянуло! Годный приём, отрабатывай дальше.

– Не, – мотнул я головой. – Потенциал на нуле.

– И в чём проблема? Тренироваться и с обычной сверхсилой можно. Противофаза только в бою понадобится.

– Ну, возможно...

– Именно так! – отрезал Герасим. – Что у тебя с разделением потенциала, кстати?

– Сам же видел – просвещаюсь!

Мы вернулись в медчасть и проверили Глеба, который после двухнедельного перерыва продержался в резонансе куда меньше обычного, потом взялись натаскивать Унтера, Ивана и Алика, но пока что ограничились лишь чисто теоретической подготовкой, не став форсировать учебный процесс. Пусть сначала от активного излучения Эпицентра отойдут, завтра я попытаюсь им гармонию источника-девять передать, а Герасим сверхэнергией воздействовать станет.

Как запланировали, так и вышло. Ещё и по лесам бегать не пришлось, нам даже незаметного проникновения в тылы противника не поручили – то ли не к кому было проникать, то ли случилась какая-то накладка у инструкторов. Вместо этого занялся отработкой нового стандарта подготовки бойцов особого дивизиона: ставили техники маскировки внутреннего потенциала и противодействия поисковым воздействиям, гашения звуков и сокрытия теплового излучения, а ещё – обнаружения всего этого собственными силами, без привлечения профильных специалистов.

Из всех моих подопечных худо-бедно смог применить на практике полученные знания лишь Глеб Клич, остальным до такого было ещё расти и расти. Сам я на первом занятии немного даже заскучал, но вот дальше наставникам нашлось чем удивить и меня, и даже Герасима. Начали мы с ночного зрения и тепловидения, а закончили улучшением слуха. И не той примитивной конструкцией, которую я освоил и которая усиливала решительно все звуки подряд, а сложной структурой с фильтрами, предназначенными для вычленения признаков близкого присутствия человека: шагов, дыхания, разговоров. Вот тут-то у меня голова кругом и пошла. Ни черта не понял.

Впрочем, для Унтера, Ивана и Алика занятия впустую тоже не прошли. Гражданской наружности дяденька в дурно подогнанном комбинезоне не только предельно доступно объяснил им принцип магнетизма, но и помог задействовать его на практике. Кто-то оказался более способным учеником, кому-то пришлось чуть ли не на пальцах объяснять, но к концу дня решительно все бойцы умели притягивать к себе разнообразную железную мелочёвку, преимущественно болты и гайки.

– Ну баловство же! – фыркнул упревший Унтер. – Как есть – баловство!

Инструктор только усмехнулся.

– В следующий раз сапёрному делу учиться начнёте. Будете наличие металла в земле определять.

Нам с Герасимом этим заниматься не пришлось, нас пытались отыскать в лесу с помощью поисковых техник обучавшиеся в центре студенты и присланные на повышение квалификации сотрудники аналитического дивизиона. Потом ещё и Глеба к игре в прятки привлекли. Вымотались за день ужасно.

До коек доползли уже ближе к одиннадцати, только повалились на них и сразу отрубались, даже богатырский храп Ивана против обыкновения никому заснуть не помешал. Что помешало, так это внезапная побудка. На часах – без четверти полночь. И часа не спали, а уже снова нужно куда-то бежать!

– Ну сколько можно-то?! – впервые на моей памяти проявил Герасим недовольство учебным процессом. – Поди, погонят тепловидение отрабатывать!

– Угу, – кивнул я и зевнул. – Похоже на то.

Лично у меня с отслеживанием теплового излучения никаких проблем не возникло вовсе – не иначе каким-то образом сказались способности к ясновидению. А вот с ночным зрением дела обстояли далеко не лучшим образом, поскольку для усиления светового потока приходилось задействовать полноценные конструкции, и эту технику мне было ещё осваивать и осваивать.

Мы наскоро умылись и собрались, а на выходе из казармы столкнулись с капитаном контрольно-ревизионного дивизиона, который возглавлял особый отдел учебного центра.

– Вскрыть после взлёта, – протянул он мне опечатанный пакет.

«Какого ещё взлёта?!», – едва не спросил я, но вовремя прикусил язык, козырнул и повёл группу к взлётно-посадочной полосе.

Там уже стоял готовый к вылету аэроплан, бойцы аэродромной obsługi как раз грузили в него выкрашенный зелёной краской патронный ящик с маркировкой «6,5х50», а ещё один поменьше и два короба с ручными гранатами лежали на земле.

– Это чего ещё? – не сдержал удивления Алик.

Унтер хлопнул его ладонью меж лопаток, направляя к лесенке, остальные тоже мешкать не стали. Один за другим мы забрались внутрь, а только я закрыл люк, загудели пропеллеры и аэроплан, слегка подпрыгивая на неровностях, начал разбег по взлётной полосе.

– Так это чего – не учебный вылет? – перекрывая шум двигателей, крикнул мне Глеб Клич.

Я с ответом торопиться не стал, вместо этого, стоило только колёсам оторваться от земли, взломал сургучную печать и распаковал приказ.

Так и есть – боевое задание.

Как говорится, научный факт! Получите, распишитесь!

Глава 4

Аэроплан взял курс на Зимск. Нет, в полученном мной приказе никакие топонимы не упоминались, его текстовка вообще оказалась донельзя лаконичной, это сориентировался по звёздам Унтер.

– На юг летим, – сообщил он после недолгого наблюдения в иллюминатор. – Стал быть, снова в Зимск.

– У этой пташки дальность полёта о-го-го какая! – не согласился с ним Балаган. – Можем и в Белом Камне десантироваться!

– И что нам там делать? – насмешливо фыркнул Иван Кол. – К жене твоей на блины свозят, думаешь?

– А что нам делать в Зимске? – резонно отметил Алик. – Два дня как оттуда!

– Господин старшина! – перешёл вдруг невесть с чего на официальный тон Глеб Клич. – А что в приказе сказано, если не секрет? А то гадаем на кофейной гуще!

– А ничего там не сказано, но думаю, всё же летим в Зимск, – сообщил я подчинённому. – Вы летите. Мы с Сутолокой раньше сойдём.

– Как так? – простодушно обомлел Ваня Кол.

– Десантируемся – как! – усмехнулся я. – Андрей Мартынович, командование на тебе. На аэродроме вас встретит кто-то из контрольно-ревизионного дивизиона, дальнейшие инструкции получите на месте. Задача ясна?

– Предельно.

– И вот – держи... – Я достал своё служебное удостоверение и протянул его Унтеру, после обратился к Герасиму: – Тоже давай.

Тот миг помедлил, затем всё же, не задавая лишних вопросов, выполнил моё распоряжение. Унтер убрал наши удостоверения в нагрудный карман и, намекая на всякое отсутствие на прыжковых комбинезонах знаков различия и шевронов с символикой ОНКОР, похлопал себя по плечу, после чего заметил:

– Получается, и от своих хорониться придётся?

– Получается, – кивнул я, хоть ничего такого в приказе прямым текстом не говорилось.

С учётом чрезвычайно скудных вводных сигнал к выброске мог прозвучать буквально в любой момент, и мы не стали терять время понапрасну. Вскрыли ящики с патронами и принялись набивать магазины автоматов и пистолетов. Помимо этого, каждому досталось по две противопехотных гранаты; Герасим с явной неохотой убрал их в подсумок, затем уточнил:

– Действовать и вправду неофициально придётся?

Я протянул ему приказ.

– Сам глянь.

– Полная неопределённость, – хмыкнул Герасим, ознакомившись с текстовкой распоряжения. – Ерунда какая-то!

– Раз тебя задействовали, дело точно серьёзное, – отметил я и тяжело вздохнул. – Эх, как обычно всё через одно место! До утра ведь в резонанс не войти!

– Потенциал какой удерживаешь?

– Пятнадцать мегаджоулей.

– Ну хоть что-то, – пожал плечами Герасим.

– Но – недостаточно! – отрезал я.

Увы и ах, это было действительно так. Как ни крути, для слабосилков со смешной мощностью вроде моей запасённой энергии никогда не бывает слишком много.

Ёлки, быстрее бы на пик способностей выйти! Пусть даже мой потолок ниже предела способностей операторов, прошедших инициацию на шестом витке, но уже не на порядок,

уже будут шансы потягаться на равных почти с любым из них. По крайней мере, не придётся каждым сверхджоулем дорожить. Наверное...

Когда мигнула красная лампочка под потолком, мы с Герасимом наскоро проверили снаряжение и оружие, после чего отошли к боковой дверце. Лампочка вновь вспыхнула и уже не погасла, Унтер распахнул люк и пожелал нам:

– Ни пуха, ни пера!

– К чёрту! – отозвался я и вслед за Герасимом прыгнул в ночной мрак.

Загудел в ушах воздух, меня крутануло, но после мига дезориентации удалось растопыриться подобно морской звезде, остановить беспорядочное вращение и в полной мере прочувствовать состояние свободного падения.

Лечу!

Где-то внизу во тьме мигала одинокая точка электрического фонаря, я должен был упасть не так уж далеко от неё, не пришлось даже перебарывать сносивший в сторону ветер. Так и нёсся к земле, не задействуя сверхспособностей вплоть до самого последнего момента, когда разом погасил свою кинетическую энергию, и упал в сугроб всего лишь с полуметровой высоты.

Наст проломился совершенно бесшумно, едва ли кто-либо мог уловить и энергетические помехи – на нейтрализацию звуковых колебаний ушли сущие крохи сверхсилы, да и падение остановил чище некуда. Герасим тоже ничем не выдал себя, затаился неподалёку. Оно и правильно – мы тут были не одни.

Не став задействовать ни ясновидение, ни технику активного поиска, я разнообразия ради прибегнул к тепловидению, и – есть контакт!

На краю поляны метрах в тридцати от места нашего десантирования обнаружилась тепловая аномалия, выдававшая присутствие затаившегося в лесу человека. И не просто человека, но оператора. Потенциал в противофазе до предела усилил мою чувствительность к сверхэнергетическим проявлениям, и я уловил лёгкое искажение фона даже без осознанного обращения к ясновидению.

– Серебро! – крикнул я.

И сразу вжался в землю, до предела усилив экранирование, но волновался напрасно.

– Канарейка! – прозвучало в ответ.

Впрочем – в отзыве такой уж нужды и не было, поскольку за миг до того характер создаваемых связным энергетических искажений сложился в знакомый образ. Встречать нас выбрался не кто-нибудь, а самолично майор Городец!

– Порядок! – предупредил я Герасима, поднялся на ноги и побрёл к погасившему фонарь человеку.

Поначалу проваливался в сугробы на каждом шагу, но вскоре приноровился самую малость ослаблять силу тяжести и ботинки перестали проламывать заледеневший наст.

Ошибки не случилось, нас и в самом деле встречал Георгий Иванович. Мы обменялись рукопожатием, вслед за мной подошёл Герасим, Городец поздоровался и с ним.

– Идёмте! – позвал он нас и направился к выходившей на поляну просеке.

Там приткнулся легковой вездеход, заляпанный грязью по самую крышу, рядом с автомобилем в руках стоял боец ОНКОР. В нём я, к своему превеликому удивлению, узнал Евгения Вихря, до недавнего времени возглавлявшего оперчасть Бюро. Тот наше появление проигнорировал, продолжив приглядывать за подходами к поляне.

Городец распахнул дверцу автомобиля и забрался на переднее пассажирское сидение, предоставив нам садиться сзади. Вихрь так и остался стоять на карауле; как видно, никто никуда ехать не собирался, по крайней мере – пока.

– Ну и что ещё за секретность такая? – недовольно пробурчал Герасим.

– Секретность как секретность, – в тон ему ответил Городец, показавшийся мне вымотанным до крайности. – Надо обработать срочный сигнал, кроме вас привлечь некого.

– Серьёзно?

Скуластая физиономия Георгия Ивановича приобрела выражение крайнего неодобрения, он встопорщил усы и подтвердил:

– Серьёзно, Герасим. Серьёзней не бывает.

Прозвучал ответ, прямо скажем, недобро, и я похвалил себя за то, что хватило ума промолчать. Портить отношения с куратором из-за собственной несдержанности на язык мне было определённо не с руки. Чай, в родне полковники ОНКОР не водятся.

Впрочем, не полез в бутылку и Герасим, он сдал назад, напомнив:

– Я – не оперативник. Не мой профиль.

– Для тебя работа по профилю найдётся! – заявил в ответ Городец. – Теперь почему привлекли именно вас... Проблема в том, что Зимск лишь формально является сферой совместной ответственности корпуса и республиканского идеологического комиссариата, на деле мы без их ведома и чихнуть там не можем. Нужны люди со стороны. Кто-то кого не принимают в расчёт. И в случае чего не отследят.

– Погодите! Нас ведь официально в Зимск перебросили! – усомнился я в доводах куратора. – В бумагах следы останутся!

– Именно так, – с недоброй усмешкой подтвердил Георгий Иванович. – Вы совместно с моими оперативниками выпотрошите Зимский губернский банк, примете экспроприированные ценности и сопроводите их в Новинск. Это если официально.

Я озадаченно хмыкнул.

– Экспроприация – это ведь...

– Безвозмездное изъятие чужой собственности, – за меня продолжил Герасим.

Городец ухмыльнулся.

– Всё так. Изымаем деньги у неблагонадёжной публики, замеченной в связях с мятежниками для пресечения финансирования монархистов.

– По декрету о безопасности республики? – предположил я.

– По нему, – подтвердил Городец и зашелестел картой. – Опергруппа выдвинется в банк с аэродрома, вашей команде выделят бронированный автомобиль инкассаторов. Вы будете в нём. Опять же – официально.

– А на деле? – поинтересовался я.

– Не беги впереди паровоза! – потребовал Георгий Иванович. – Вот, глядите! – Он посветил на карту фонариком. – Банк расположен по адресу Тополиная, дом семь. Вам нужно будет присоединиться к остальным не позднее четырёх часов утра. Я вас встречу на месте. Для бойцов особого дивизиона и штурмового взвода комендатуры работать в масках – обычное дело, удивления это не вызовет. Первое время вас будут изображать два моих опера, потом подменитесь.

Герасим пригляделся к карте и произнёс, буквально сняв вопрос у меня с языка:

– Это всё замечательно, конечно, но что именно нам придётся делать?

– Прежде чем мы взяли под контроль Общество изучения сверхэнергии, исполняющий обязанности директора распорядился уничтожить документацию по их наиболее перспективным исследованиям. Вместо этого ответственный за исполнение приказа сотрудник вывез её в Зимск для дальнейшей переправки за границу. Об этом узнали мы, об этом уже пронюхали и в местном отделении республиканского комиссариата.

– И почему его ещё не взяли вы или они? – удивился я.

– Им ещё не удалось его отыскать, а у нас нет полномочий действовать самостоятельно.

– А скооперироваться ради общего дела? – хмыкнул Герасим.

Георгий Иванович встопорщил усы.

– Ведущую скрипку в этом случае станет играть комиссариат, на пользу общему делу это точно не пойдёт. Не уверен, что у нас найдётся что предложить им в обмен за доступ к документации Общества.

– А разве весь смысл не в предотвращении её вывоза за рубеж? – спросил Герасим и не удержался от презрительной ухмылки. – Хотя какие у них там могли быть исследования, право слово!

– В этом и вопрос, – хмуро глянул в ответ Городец. – Узнаем, как далеко и в каких областях Обществу удалось продвинуться, сможем выявить каналы утечки информации из РИИФС. В противном случае выход на внедрённую к нам агентуру получит РИК.

Я уже даже рот открыл, намереваясь заявить, что с этим вполне сможет помочь Горский, но вовремя припомнил наказ Альберта Павловича и прикусил язык. Опять же старикан отвечал за безопасность и контрразведку, имена всех тайных осведомителей он мог и не знать. Или не помнить. Или упустить кого-то, сохранив агента на будущее. А его архив наверняка был уничтожен в первую очередь. И опять же – ещё неизвестно, какую сделку заключили с Леонтием Игнатьевичем. А ну как он и вовсе уже отбыл вслед за своими подопечными в Ридзин?

Неспроста же мне велели забыть, при каких обстоятельствах я видел его в последний раз. Точно неспроста!

Герасим засопел, напряжённо обдумывая услышанное, затем спросил:

– Надо понимать, мне придётся на месте оценивать подлинность материалов?

– Именно.

– А сам беглец? – уточнил я. – С ним что делать?

– В идеале он вас вообще увидеть не должен, – заявил Городец. – Ни он, ни кто-либо ещё. Но если что-то пойдёт не так – берёте живым и только живым.

Я досадливо поморщился.

– С собой его тащить? А транспорт у нас будет?

– Какой ещё тебе транспорт? – фыркнул Георгий Иванович. – Комендантский час в городе! Ножками, ножками! А клиента свяжете и оставите на квартире. Мы на неё анонимную наводку риковцам дадим. Вот держите... – И, предвосхищая наши вопросы, куратор протянул Герасиму небольшой футляр. – При необходимости воспользуйтесь блокиратором, но это только в самом крайнем случае, лучше просто усыпите его хлороформом. И не наследите там! Работайте в перчатках!

Дальше начался инструктаж. Как оказалось, беглец из Новинска залёг на дно в том же районе, где располагалось хранилище Зимского губернского банка, пешком от одного адреса до другого идти было от силы минут десять. Городец дал нам ознакомиться со сделанными с разных ракурсов снимками двухэтажного барака, подходов к нему и соседних переулков, а помимо карты продемонстрировал ещё и материалы аэрофотосъёмки.

– И о соседях не забывайте – объект снял комнату в коммуналке.

Мы обговорили пути отхода и варианты экстренной эвакуации на случай непредвиденных ситуаций, условились о точке randevу неподалёку от банка и сверили часы, после чего убрали автоматы в багажник и переоделись в поношенную гражданскую одежду. Каждому досталось по брюкам, свитеру грубой вязки и короткой куртке, а вот обувь и перчатки в отличие от прыжковых костюмов менять не пришлось. Оставили при себе и лыжные шапочки, а пистолеты и магазины рассовали по карманам.

– Всё, ехать пора! – поторопил нас Городец.

Евгений Вихрь уселся за руль и завёл двигатель, вездеход рыкнул двигателем и как-то очень уж нехотя тронулся с места, начал переваливаться на ямах и кочках. Когда вывернули из леса на трассу, машина пошла немногим плавней, но и так, пока ехали до города, помотало нас на разбитой колёсами грузовиков дороге преизрядно.

Впрочем, именно что до города нас не довезли. Минут через десять вездеход остановился, и Городец указал на небольшую рощицу.

– Как пройдёте, предместья начнутся.

– А нельзя нас до адреса доставить? – озадачился Герасим.

– Мы в город не поедem, – ответил Георгий Иванович. – Развернёмся и на аэродром махнём, алиби себе обеспечивать. Не бойтесь, не заблудитесь! Только с патрулями аккуратней. Ночью всякое бывает.

– Разберёмся, – пробурчал я и позвал напарника: – Идём!

Мы спустились в кювет, выбрались из него и двинулись к деревьям, а вездеход под рык движка развернулся и укатил в обратном направлении. Я ослабил заземление и прислушался к собственным ощущениям, но энергетический фон оставался стабильным, никаких аномалий и возмущений уловить не удалось.

Едва ли операторов отправят патрулировать окраины отнюдь не самого маленького города в республике, но всё же я решил подобными проверками не пренебрегать и впредь. Пусть куда большую опасность для нас и представляли пикеты ополчения, комендантские патрули и чрезмерно бдительные граждане, но оторваться от них всё же будет несказанно проще, нежели от коллег.

Рощица оказалась совсем небольшой, и Городец ничего не напутал – уже минут через пять мы вышли к окраине Зимска. Город словно вымер. В отличие от центральных районов тут и в помине не было ни уличных фонарей, ни ярких витрин магазинов и увеселительных заведений; погружёнными во мрак улочками мы без особых приключений добрались до нужного квартала, лишь раз пришлось сигать через забор, когда вдали вспыхнул свет автомобильных фар.

Тогда всё обошлось, а вот в двух домах от нужного нам барака, мы едва не нарвались на засевший в подворотне пикет. И нарвались бы, пожалуй, не мигни в темноте огонёк папиросы. Меня так и проморозило всего, вцепился в руку Герасима, потянул его назад. Да тот и сам уже заметил алую точку, быстро попятился следом и юркнул в арку.

– Придётся обходить! – шепнул он мне после этого.

Я кивнул. Обходить – это точно.

Но вдруг в округе и другие наблюдатели выставлены? И вдруг это именно наблюдатели, а не обычный армейский пикет? Быть может, риковцы уже взяли под наблюдение нужный нам дом?

– Время! – раздражённо прошипел Герасим.

– Жди! – отозвался я и задействовал тепловидение, благо никакого труда отслеживание температурных аномалий теперь для меня не составляло, всего-то и нужно было – понять сам принцип.

Воистину знание – сила!

Но знание – знанием, а всякий новый приём для начала следует отработать на практике. Вот и сейчас у меня от вспыхнувшей в голове картинки едва глаза не лопнули, до того та оказалась яркой и пёстрой.

Краски, краски, краски!

Пятна, слои!

Пылающие контуры!

Прежде я задействовал тепловидение исключительно в лесу, где самыми тёплыми объектами были другие люди, птицы и белки, иное дело город! Светились печные трубы, мерцали неразличимые на фоне тёмного неба обычным зрением клубы дыма, выделялись переливами красок оконные стёкла, горели оранжевым и красным плохо заклеенные на зиму рамы, ослепительной звездой вспыхивал огонёк папиросы, размытым пятном маячил в подворотне силуэт человека, развеивались и быстро гасли облачка выдыхаемого им воздуха.

Я зажал ладонями виски, зажмурился и судорожно стиснул зубы, но от своей задумки не отказался и взял ясновидение в узду, задал ему жёсткие рамки, отфильтровал слишком холодные и слишком горячие объекты, а после совместил в сознании зрительные образы и пятна тепловых аномалий. И – сработало!

Картинка потеряла недавнюю остроту и яркость, стала почти обычной, но при этом заметно более информативной. Я внимательнейшим образом оглядел боковую улочку, смахнул выступившую в уголке глаза слезинку и хлопнул Герасима по плечу.

– Идём!

Мы перебежали к соседнему дому, нырнули в подворотню и сразу подались от конуры, где дремал цепной пёс, пересекли переулок и вывернули к двухэтажному барaku, который опознали по фотографиям. Одно из его окон показалось чуть светлее, но не целиком, а частично, будто кто-то ещё совсем недавно прижимался к стеклу изнутри, и от греха подальше я решил зайти с задов.

Там Герасим подсадил меня, и я перескочил через забор, присел, огляделся, отпер калитку. Петли едва слышно скрипнули, напарник скользнул ко мне, и мы пересекли глухой дворик с непонятым сараем, натянутыми меж вкопанных в землю стоек бельевыми верёвками и нужника, подобрались к двери чёрного хода.

В голове чем дальше, тем сильнее пекло, и поскольку особой нужды в тепловидении больше не было, я перенацелил ясновидение на отслеживание энергетических аномалий. И – ничего!

Странно? Ещё как! Мы ведь оператора в оборот взять должны!

Неужто он постановкой сигнальной конструкции не озаботился?

Как-то мне в это не верилось.

Дверь оказалась заперта на засов, я справился с ним в один момент, заодно погасил скрип ржавых петель, осторожно шагнул через порог и весь обратился во внимание. Смотреть в тёмном узком коридорчике было не на что, так что прислушался, принялся, постарался ощутить малейшие искажения энергетического фона. Снова – ничего.

Нет, кто-то храпел за стеной, пахло табаком и прокисшими щами, но никакого намёка на оператора уловить не удалось. Как бы он не съехал. Как бы его уже не взяли!

Герасим похлопал меня по плечу и указал пальцем вверх, я кивнул и начал подниматься на второй этаж. Там вновь надолго замер, потом неуверенно шагнул вперёд и снова остановился. Что-то было не так.

Да! Наконец-то!

На меня будто ледяным сквозняком повеяло! И не сквозняком даже, а будто холодное дыхание накатывало и отступало, накатывало и отступало! Кто-то виртуозно работал со сверхсилой, оперируя буквально долями джоулей, и этот кто-то определённо находился в нужной нам квартире.

Я попытался разобраться в этом непонятном воздействии, но не смог и дал знак напарнику отступить обратно на лестницу.

– Что такое? – шепнул он мне там, выслушал путанные объяснения и уточнил: – Сюда-то воздействие не дотягивается?

– Точно нет. Но к двери квартиры подойти не получится.

Герасим неопределённо хмыкнул.

– Разберёмся!

Какую он технику задействовал, я не разобрал – надо понимать, было это нечто диагностическое, и при этом активного воздействия почувствовать не удалось, разве что порождаемая самим Герасимом энергетическая аномалия, едва уловимая до того, стала ощущаться куда явственней, сделалась резкой и нестабильной. Ладно хоть долго это не продлилось, уже пару минут спустя мой напарник прекратил водить перед собой руками и открыл глаза.

– Хитро придумано, – заявил он после этого.

– Что это?

– Полуавтономная сигнальная конструкция, завязанная напрямую на энергетику оператора. В сочетании с техникой «Двойного вдоха» почти не расходует сверхсилы и потому не фонит.

– А что отслеживает?

– Да что угодно! – развёл руками Герасим. – Температуру, изменение давления, энергетические аномалии. Нам её не обмануть, для этого понадобится весьма продолжительный анализ уязвимостей.

Я беззвучно выругался. Если рванём напролом, то пока вынесем одну дверь, пока выйдем другую, оператор точно проснётся и успеет сигануть в окно. А даже если и не успеет – всё одно нашумим. Тогда про обстоятельный обыск придётся забыть. Тогда непонятно даже, сумеем ли вообще материалы отыскать.

Должен быть другой путь!

– Подожди, подожди, подожди... – задумался я, потирая пальцами переносицу. – Напрямую на внутреннюю энергетику завязана, говоришь? В обход экранов и заземления? А если разрядом шарахнуть?

Герасим покачал головой.

– Не выйдет. Там наверняка на входе фильтры стоят, которые только низкоуровневые сигналы пропускают.

Я хмыкнул.

– Дай-ка сам посмотрю...

– Только недолго. – Герасим оттянул рукав куртки и взглянул на флуоресцирующие стрелки хронометра. – Через два часа мы должны быть в банке.

Ничего отвечать я не стал по той простой причине, что торчать здесь всё это время и не собирался – слишком высок был риск того, что в коридор выйдет по нужде кто-нибудь из жильцов. Проще уж будет попытку лихого кавалерийского наскока предпринять.

Я вернулся к границе сигнальной конструкции, встал так, чтобы остаться вне досягаемости едва уловимых энергетических колыбаний, сосредоточился на них, отрегулировав должным образом ясновидение и силу заземления.

Накат-откат. Накат-откат. Накат-откат.

Хитро придумано.

Колыхание шло не в такт сердцебиению, больше это походило на дыхание – будто воздух из рта вырывается, а потом обратно вытягивается, размеренно и стабильно.

Я опустил на пол, скрестил ноги и погрузился в медитацию, начал подстраиваться к этому ритму в полном соответствии с рекомендациями по отслеживанию состояния внутренней энергетики собеседника, попытался ощутить спавшего за несколькими стенами человека.

Вдох-выдох. Дышишь в такт.

Вдох-выдох. Толкнись мыслью.

Вдох-выдох. Скользишь через барьеры, экраны и щиты.

И при этом никакого активного воздействия, одно лишь ясновидение – если угодно энергетическая эмпатия.

Как ни странно, помогла чуждость гармонии Эпицентра. Ритм источника-девять после нескольких подряд входов в резонанс был силен во мне как никогда, вот я и ощутил некую шероховатость, начал ориентироваться уже на неё – будто резкость объектива подкручивал, в попытке отследить параметры тех самых фильтров, о которых толковал Герасим. Результатом стали приступ мигрени, жжение в голове, тошнота и судороги.

Но – отследил!

Когда гармония Эпицентра стала буквально резать по живому, я усилием воли отгородился от неё, открыл глаза и смахнул выступивший на лице пот. Герасим тут же подступил ко мне и принялся стучать пальцем по циферблату хронометра.

– Полчаса! – едва слышно выдохнул он. – Ты на полчаса завис!

Даже так? Впрочем – неважно. Главное, что дело в шляпе.

Одно лишь отслеживание состояния чужой энергетики и каналов её связи с внешним фоном отнюдь не приравнялось к выявлению уязвимости чужой сигнальной конструкции, да только я неспроста изучал деструктивные искажения – опять же за время дежурств в палате интенсивной терапии худо-бедно набил руку на дистанционном воздействии.

– Готовься! – хрипло выдохнул я, поднимаясь на ноги. – Думаю, я его достану!

– А защита?

Я лишь выставил перед собой открытую ладонь. Энергетические фильтры были настроены на пропуск низкоуровневых сигналов, и пусть лучшее деструктивное воздействие – это то, которое на куски разнесёт голову жертве, но иной раз сгодится и булавочный укол. И не укол даже – просто капля яда.

Несколькими глубокими вдохами я вернул себя в состояние былой отрешённости, сфокусировался на гармонии Эпицентра, в очередной раз оценил пропускную способность брешей в заземлении жертвы и на чужом вдохе толкнулся вперёд едва уловимой вибрацией. Не сотворил самостоятельное воздействие, лишь подправил сигнал защитной конструкции.

С этим сложностей не возникло, но я до конца не был уверен, что верно оценил состояние энергетики оператора и сумею с первого же укола вызвать спазм центрального узла, а потому приготовился нанести полноценный удар, но – не пришлось. Миг спустя донёсся резкий отклик, а вот сигнального воздействия за ним уже не последовало, и я сорвался с места.

– Пошли!

Замок коммунальной квартиры оказался простеньким – вскрыл его буквально в одно мгновение, да и с дверью в комнате оператора провозился ничуть не дольше, и всё это – на диком выбросе адреналина! А дальше – отпустило. Враз ослабли ноги и подогнулись колени, едва переступил через порог вслед за Герасимом, и сразу плюхнулся на табурет, надсадно закашлялся.

Наверняка при необходимости и сам бы совладал с оператором, но помогать Герасиму не пришлось; тот вмиг навалился на бывшего в судорогах мужчину и прижал к его лицу смоченную хлороформом тряпицу, а потом ещё и удерживал её секунд тридцать, пока жертва не обмякла, провалившись в забытье.

– Порядок! – обернулся он ко мне.

Я перетащил табурет и уселся на него теперь уже рядом с койкой, стянул с правой руки перчатку и приложил пальцы к шее худощавого господина средних лет, начал отслеживать его слабый и неровный пульс.

– Ищи документы!

Зажигать лампочку Герасим не стал. Подсвечивая себе узким лучом фонарика, он быстро изучил скудную обстановку, после чего сунулся под койку и вытянул оттуда дорожный чемодан, следом ещё один. Щёлкнули замочки, послышалось:

– Есть!

Я не стал отвлекаться и лёгкими размеренными воздействиями взялся избавлять энергетику жертвы от последствий своей атаки. Герасим же переворошил содержимое второго чемодана и взялся обыскивать оператора. Из внутреннего кармана он извлёк конверт с негативами, ещё выудил туго набитый бумажник.

– Забирай! – сказал я. – Экспроприируем!

Напарник кинул конверт и бумажник в чемодан, взглянул на часы и не слишком профессионально, зато быстро и весьма тщательно перевернул в комнате всё вверх дном, благо мебели

было раз, два и обчёлся. После того, как он простучал пол, мне пришлось стягивать оператора с кровати, дабы перетряхнуть одеяло и матрац. Под подушкой обнаружился револьвер, но и только. А вот на столе под клеёнчатой скатертью обнаружился ещё один конверт с негативами.

Герасим наскоро просмотрел документы, удовлетворённо хмыкнул и закрыл чемодан.

– Уходим! – поторопил он меня. – Время!

Мы тихонько выбрались из комнаты, выскользнули в коридор, спустились по лестнице, пересекли задний двор и пошли, пошли, пошли.

Ушли! Как есть ушли!

Встреча с куратором прошла без сучка без задоринки. Он, как и было условлено, дожидая нас на точке randevu в компании двух бойцов в прыжковых комбинезонах и опущенных на лицо лыжных шапочках с прорезями для глаз. Пока мы переодевались, Городец пересыпал бумаги из чемодана в холщовый мешок, кинул сверху бумажник и конверты с негативами, после затянул горловину и опечатал пломбой Зимского губернского банка.

Парочка незнакомых мне оперативников, избавившись от комбинезонов и масок, спокойно присоединилась к сослуживцам в оцеплении банка, а мы прошли к загнанным за ограду автомобилям, и Городец кивком указал на один из бронированных фургонов.

– Давайте внутрь!

Я без промедления выполнил это распоряжение, но и так успел заметить, что потрошением банковского хранилища помимо бойцов ОНКОР занимались ещё и вооружённые люди в штатском, надо понимать – сотрудники РИК. Что ни говори, алиби Георгий Иванович обеспечил себе и своим людям первоклассное, не подкапаешься.

Из Зимска вылетели только на рассвете. Само по себе изъятие ценностей из банковского хранилища надолго не затянулось, но уже на аэродроме помимо простого пересчёта опломбированных мешков, пришлось их ещё и взвешивать, а затем оформлять опись и приказ на вывоз экспроприированных средств в Новинск. Ответственным за доставку спецгруза назначили Евгения Вихря, нашей же команде поручили охрану материальных ценностей на время перелёта и дальнейшей транспортировки в казначейство.

Городец принимал в процессе вращения бюрократических шестерёнок самое живейшее участие, но и возможности расспросить нас он тоже не упустил. Вызвав все подробности, Георгий Иванович за одно похвалил, за другое пожурил, а ещё сообщил Герасиму, что опечатанный мешок с документацией Общества доставят в секретную часть при штабе ОНКОР, его же пообещал привлечь для научной экспертизы.

– А как быть с допуском? – уточнил Герасим.

– Согласуем.

– К слову, о допусках... – заметил я, подавив невовремя накотившую зевоту. – А можете и мне допуск согласовать? Только не к этим бумагам, а к личным делам курсантов? Очень надо. Георгий Иванович смерил меня пристальным взглядом и потребовал объяснений:

– Излагай!

Я в двух словах изложил суть нашего проекта, и Городец явственным образом поскущел.

– Наука, да? Не мой профиль.

– А почему куратор проекта сам комиссару не позвонит? – удивился Герасим.

Никакого куратора у нас не было, но я упоминать об этом не стал и лишь плечами пожал.

– Звонарь ходатайство завизировал, а формальности мне утрясать предоставил.

– Звонарь, говоришь? – Георгий Иванович вздохнул. – Ладно, позвоню утром Хлобу, попрошу за тебя.

– Спасибо!

– Да пока не за что.

Дальше пришёл Вихрь, потряс стопкой листов.

– Всё! Можем взлетать!

Тянуть мы не стали, попрощались с Городцом, забрались в аэроплан и расселись там среди забытых банкнотами мешков. Честно говоря, меня вся эта куча денег как-то и не впечатлила даже. Когда давешние двадцать пять тысяч рублей по карманам рассовывал, и то сильнее эмоции испытывал, а сейчас попросту в голове не укладывалось, что тут запросто несколько миллионов рублей набраться может.

Впрочем, и что с того, даже если и наберётся?

Миллионы и миллионы. Лишняя ответственность только, и килограммы тоже – лишние. Разгружать-то аэроплан нам самим придётся!

Жутко хотелось спать, но слабину я не дал и распределил караулы, сам же и взялся дежурить первым. Вроде бы в воздухе грабителей опасаться не приходится, да только понятия не имею, как охрана материальных ценностей при перелётах обставляется, руководствоваться решил уставом гарнизонной и караульной служб.

Евгений Вихрь и вовсе спать, такое впечатление, не собирался, составил мне компанию.

– Как в Бюро дела обстоят? – поинтересовался он, откинувшись спиной на туго набитый мешок.

– Так себе, – покривился я, будто от зубной боли. – Меня в Службу реабилитации временно перевели, так Вяз попросил по собственному желанию уволиться.

Евгений Вихрь не удержался от усмешки.

– Вот прямо – попросил?

– Потребовал, – признал я с обречённым вздохом. – Ещё и к исполняющему обязанности жаловаться побежал. А этот Владимир Михайлович ни рыба ни мясо...

Я сообразил, что сболтнул лишнего и замолчал, но собеседник о субординации и правилах хорошего тона напоминать не стал, вместо этого покачал головой.

– Ну это ты зря! Владимир Михайлович любого сожрёт и не поморщится, даром что не оператор. Ты на его внешность не смотри, за руками следи. Тот ещё... фокусник.

Никаких примеров в доказательство этих своих слов Вихрь приводить не стал, извлёк из офицерского планшета полученные на аэродроме документы и принялся их перебирать. Мне тоже нашлось чем заняться – перед возвращением в зону активного излучения Эпицентра требовалось избавиться от набранного потенциала и привести в равновесное состояние внутреннюю энергетику, вот и погрузился в медитацию. Потом всё же не утерпел и спросил:

– По столице слышно что-нибудь?

Вихрь нехотя оторвался от бумаг, но всё же соизволил ответить:

– Монархисты оставили свои позиции в городе и выдвинулись на соединение с добровольческим корпусом интервентов.

– Успешно выдвинулись?

– По большей части – да, – поморщился контрразведчик. – Но зато наметились подвижки на западной границе. Войска Средин завязли в укрепрайонах, а Окрест пытается отвести свои части на перегруппировку. Нашего продвижения на юго-западном направлении они никак не ожидали.

– Никто не ожидал, – отметил я.

Вихрь кивнул.

– Да, на волоске всё висело.

Он вновь углубился в изучение документов, а меня начало клонить в сон – раззевался даже, благо очень скоро подошло время заступать в караул Унтеру.

Приземлились мы на аэродроме при учебном центре, но с тем же успехом могли сесть на лётное поле гражданской воздушной гавани, расположенной на другом конце города,

поскольку из-за грядущей поездки в казначейство с сегодняшних занятий всех нас сняли. Вновь началась суeta с пересчётом мешков, но ответственным за груз так и остался Вихрь, обошлось без взвешивания наличности и подписания актов приёма-передачи. Мы просто перетаскали деньги в бронированный автомобиль инкассаторов.

Герасим проводил взглядом мешок с нарисованным мелом крестом, и Евгений Вихрь успокоил его:

– Я обо всём позабочусь. Сегодня или завтра с тобой свяжется кто-нибудь из секретной части.

– Кто-нибудь – это не ты?

– Нет, вечером возвращаюсь в Зимск.

– Хорошо, буду ждать звонка.

Герасим попрощался со всеми и отправился восвояси, Алик сказал ему вслед:

– Везёт же некоторым!

– Нашёл, кому завидовать! – усмехнулся я. – Он поехал работу работать, а мы смотаемся туда-обратно и на сегодня свободны.

Свободны – да, но не все. Лично у меня самого вторая половина дня была расписана едва ли не по минутам.

Иван Кол оглянулся на ангар, в котором находилась выделенная нам каморка, и предложил:

– Может, одежду сразу заберём? И возвращаться не придётся.

– Оружие ещё сдавать, – напомнил Унтер.

Я понятия не имел, где именно располагается в Новинске казначейство, поэтому уточнил у Вихря:

– А вы потом куда?

– В комендатуру, – сообщил тот. – Можете со мной поехать. Оттуда в учебный центр постоянно дежурные машины мотаются – подкинут.

– Посмотрим.

В этот момент Алик пихнул в бок Ивана и заявил:

– У тебя вся спина белая!

– Чего? – озадаченно уставился деревенский увалень на черноволосого живчика.

– Комбинезон, говорю, в чём-то белом со спины изгваздал! – пояснил тот, и глазом не моргнув.

Иван негромко ругнулся и попытался извернуться таким образом, чтобы увидеть собственную спину, ещё и пробормотал:

– Извёстку, что ли, где обтёр?

Унтер с Глебом так и покатались со смеху, Алик тоже рассмеялся.

– С первым апреля, простофиля!

– Да я... Да ты... Да ну вас! – в несколько приёмов выдал Иван и ругнулся: – Дураки!

К фургону подъехал легковой вездеход с шофёром и двумя бойцами пулемётного расчёта, Вихрь скомандовал:

– Забирайтесь внутрь! – А мне указал: – Линь, ты в кабину садись.

Алик заскочил в инкассаторский автомобиль первым и протянул руку Глебу.

– Чего вздыхаешь? – усмехнулся он. – Барышням своим будешь рассказывать, как на мешках с деньгами ездил!

– Не поверят, – возразил Иван Кол. – Я бы не поверил.

– Так ты и не барышня! – резонно возразил Балаган. – Барышни – они доверчивые! Это уже только после замужества житейской мудрости набираются, змеюки...

– Шевелитесь! – поторопил бойцов Вихрь, а когда те забрались в бронированный автомобиль и захлопнули за собой стальную дверцу, опечатав ту по всем правилам: пропустил толстую проволоку в проушины, обмотал ею ручку и скрепил концы свинцовой пломбой.

– Может, и вправду в комендатуру скататься... – пробормотал я себе под нос, прикинув, что Городец уже мог связаться с комиссаром, а в следующий раз ехать придётся специально.

Инкассаторский автомобиль в плане защищённости недалеко ушёл от броневика, обзор через узкие лючки оставлял желать лучшего, а в кабине было чрезвычайно тесно, не получалось даже толком выпрямить ноги, но и так клевать носом я стал почти сразу, как только мы выехали с территории аэродрома. Ну а когда вывернули на окраину с промышленными предприятиями и покатили меж высоченных заборов с колючей проволокой поверху, складов и мрачных корпусов по более-менее ровной дороге, ещё и носом присвистывать начал. Пришлось даже головой помотать – ибо непорядок.

Толку с того – чуть. Мало того, что вторые сутки на ногах, да ещё в Зимске перенервничал. Ладно хоть самую малость в самолёте вздремнуть успел.

– Бессонная ночь? – усмехнулся дядька, крутивший баранку неповоротливого фургона.

– Угу, – подтвердил я и озвучил и без того очевидный факт: – Глаза слипаются...

– Дело молодое!

– Да не, просто с ночной смены.

– Знакомое дело! – усмехнулся шофёр. – Чего, думаешь, вас привлекли? Да просто наши инкассаторы зашиваются уже. По двое суток дежурят! А они не сторожа, им втихаря не прикорнуть!

– Это всегда так или с последними событиями связано? – уточнил я.

– С ними самыми! Раздёртали всех, а кого куда, не скажу даже. Но, надо понимать, всё же не на войну. Поди, на замену постовых отправили. Полицейских-то разогнали, так? Вот кому-то и нужно на улицах дежурить. Город-то огромный! Иной раз такой километраж за смену набегает, что просто диву даёшься! Можно до Зимска доехать и обратно вернуться! Частных-то перевозчиков с нашей делянки попросили. Грабили их почём зря, а там не разберёшь: то ли и вправду налёт случился, то ли сами всё обстрипали, денежки поделив. Тёмное дело! Вот и приходится нам мотаться. И без обедов зачастую обходимся, всухомятку перебиваемся...

«Вот! – подумал я. – В комендатуру всё же стоит заскочить – там столовая хорошая...»

А больше уже ничего подумать не успел, очнулся лежащим на боку и прижатым чем-то сверху в полнейшей тишине – во всём мире остался один только звон в ушах.

Чёрт! Да мы же перевернулись! Фургон опрокинулся! А давит на меня вывалившийся из своего сиденья шофёр. Тяжёлый, зараза!

Ну вот как этого разиню угораздило машину перевернуть? По прямой же дороге ехали, в поворот не входили!

Запахло дымом. Я напрягся и чуть приподнялся, кое-как выпростал из-под себя правую руку, упёрся ею в крышу кабины и потянулся к сверхсиле.

Напряжение! Ионизация! Нагрев! Давление!

Голова шла кругом, удерживать под контролем пустяковое воздействие получалось с невероятным трудом, плазменное жало то легко прожигало металл, то напрочь теряло фокусировку и лишь покрывало стальной лист язвами да нагревало его, не в силах продолжить разрез.

Дерьмо!

Ну давай же! Давай!

Левой рукой я попытался отодвинуть от себя давившего сверху шофёра, правой изловчился и замкнул линию, напрягся и выдавил железный лист, кое-где прикипевший краями к оплавленному разрезу. Обдирая прыжковый костюм, я то ли выполз, то ли и вовсе вытянул себя наружу через неправильной формы отверстие, а там...

Какого чёрта?!

Метрах в пяти от нас полыхал искорёженный вездеход, а чуть дальше мелькали какие-то фигуры, но их я толком даже не разглядел, вместо этого сразу переполз к обочине и свалился в протянувшуюся между той и заводским забором канаву.

Проклятье! Это не авария, это налёт!

Инкассаторский фургон дрогнул, с лязгом отлетела в сторону выбитая изнутри дверца, а миг спустя Иван с Глебом скинули в грязь Алика и сами прыгнули следом. За ними метнулся чуть припозднившийся Унтер. Прежде чем сигануть вниз, он выпустил куда-то в сторону короткую автоматную очередь, а только скорчился рядом с остальными, и – жажнуло!

Опрокинутый набок автомобиль вновь дрогнул, его железная крыша выгнулась и лопнула оплавленной дырой, а насквозь прошившая фургон шаровая молния угодила в кирпичный забор и взорвалась от удара, разметав кругом раскалённое крошево.

Никого из нас этой шрапнелью всерьёз не посеколо, но следом прилетела длинная очередь. Пули просвистели над канавой и застучали по заводской ограде, пришлось пригнуться.

– Держите! – крикнул я, ещё и рукой для надёжности махнул, указав направление куда следует вести огонь.

Сам оставаться на месте не стал, плюхнулся в грязь, щедро приправленную сажей и машинным маслом, пополз по канаве ко взорванному вездеходу, от бензобака которого вниз текла струйка горящего бензина. Попалась оторванная ступня в стандартном армейском ботинке, но даже не замедлился, пробираясь дальше.

Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Не до брезгливости сейчас. Мало того, что в глазах плывёт, голова кругом идёт и звон в ушах решительно все звуки перекрывает, так я ещё и на пределе мощности сверхэнергию в себя тяну и лихорадочным напряжением всех сил под контролем потенциал удерживаю, старательно нивелируя воздействие на него активного излучения Эпицентра.

Оплошаю – вмиг центральный энергетический узел спазмом скрутит. Такие отклонения и осложнения заработаю, что даже думать об этом не хочется, но что самое паскудное – из строя выйду, а у нас сейчас каждый оператор на счету!

О, да! Я предельно чётко ощущал, как где-то совсем неподалёку отсюда энергетический фон рвут резкие отголоски помех!

Рискнув приподняться над краем канавы, я окинул быстрым взглядом дорогу и обнаружил, что налётчикам противостоит Евгений Вихрь, одежда которого дымилась, а волосы встали дыбом. Два типа в штатском обстреливали его из пистолетов-пулемётов, третий пытался сжечь контрразведчика плазменным лучом. Пули падали в дорожную грязь, не удавалось пока что продавить защитные экраны и энергетическому воздействию, но интенсивность того стремительно нарастала.

Налётчик определённо вошёл в резонанс!

Едва уловимым хлопком донёсся через звон в ушах винтовочный выстрел. На расстоянии вытянутой руки от Вихря ярким всполохом разлетелись во все стороны капли расплавленного свинца и кусочки медной оболочки, контрразведчика качнуло, он пошатнулся и едва не упал, оказался вынужден отступить на шаг назад.

Я попытался сфокусироваться на вражеском операторе и сразу понял, что контузия не прошла даром, и любое моё атакующее воздействие попадёт в цель если только совершенно случайно, а скорее всего его и осуществить-то не получится. Попытаюсь сотворить шаровую молнию, точно самого взрывом зацепит!

Но вместе с тем потенциал я успел набрать серьёзный, а не далее как позавчера Герасим подсказал вполне рабочую идею, оставалось её только немного подкрутить...

Привстав, я выкинул перед собой руки и резким усилием выплеснул всю накопленную сверхсилу разом. Но не окутался ею, а выбросил мощным направленным выплеском, а попутно ещё и придал энергии колебания гармонии источника-девять!

Всё бы получилось наилучшим образом, если б не острый приступ головокружения, навалившийся в самый ответственный момент. Сознание поплыло, и это помешало не только закрутить выплеск, но и должным образом его сфокусировать. Энергия не ввинтилась в защитные конструкции противника сверлом и даже не шибанула в них тараном, а накатила волной. Разделяло нас не больше двух десятков метров, и полного рассеивания случиться не успело, но в любом случае выпад лишь толкнул прозевавшего внезапную атаку налётчика, даже не сбил его с ног.

Хотя... а прозевавшего ли?

Вполне могло стать, что противник просто не счёл нужным отвлечься на отражение столь неуклюжей атаки, понадеявшись на свои щиты.

Ну в самом деле – этим моим выплеском даже второкурсника не пронять!

Вроде бы – не пронять.

Я отнюдь неспроста дополнил своё воздействие энергетическими вибрациями! Те беспрепятственно прошли через все щиты и барьеры, а если даже и не прошли, то передали деструктивные колебания защитным структурам, завязанным напрямую на чужой потенциал. А попробуй отследи нечто подобное, когда в тебя ежесекундно вливаются невероятные объёмы энергии и для удержания под контролем сверхспособностей требуется сохранение предельной концентрации!

Миг или два ничего не происходило, затем от налётчика начали расходиться резкие колебания энергетических помех, плазменный луч мигнул и погас, а сам оператор хоть и удержался в резонансе, но оказался вынужден направить весь входящий поток на стабилизацию потенциала.

Зря. Зря-зря.

Нет, попытка вытравить наведённые мной вибрации и вернуть в равновесное положение центральный узел имела все шансы увенчаться успехом, да только в бою каждая секунда на счету. Я совладал с дурнотой и уже приготовился нанести добивающий удар, но с этим меня опередил Вихрь – он контратаковал потерявшего инициативу противника, врезав по нему примитивной шаровой молнией. Примитивной, но крайне мощной! Рванула та при столкновении с защитной конструкцией налётчика так, что дорожная грязь вмиг покрылась запечённой коркой, а оператора откинуло на пару шагов назад.

Резонанс, ускоренный набор потенциала, не вытравленные до конца деструктивные вибрации, близкий взрыв и потеря контроля над входящим каналом...

Множество факторов сошлись воедино, и – жажнуло!

Налётчик расплескался кровью, ошмётками горелой плоти и брызгами огня, враз перестал существовать, оставив после себя оплавленную воронку. Миг спустя один из стрелков поймал грудью автоматную очередь и замертво повалился на землю, а другого шибанул и буквально размазал по стене склада незримый таран.

Прикончивший его силовым выпадом Вихрь уплотнил свой кинетический экран, отгородился им от поваленных взрывом ворот ремонтной мастерской и даже опустил на одно колено, дабы уменьшить площадь своего силуэта. Очередная отправленная в него винтовочная пуля уже не взорвалась, а бессильно шлёпнулась в грязь.

Я переборол дурноту и потянулся сдёргнуть с плеча автомат, но сразу сообразил, что тот остался в кабине фургона, и крикнул:

– Прикрывайте!

Иван и Глеб начали давить налётчиков в два ствола, а Унтер воспользовался моментом, стремительным рывком пересёк дорогу, прижался спиной к забору и закинул на территорию

мастерской одну гранату за другой. Приглушёнными хлопками донеслась пара взрывов, и Евгений Вихрь под прикрытием шквального огня из автоматов сначала юркнул под прикрытием догоравшего вездехода, а после плюхнулся в канаву рядом со мной, зачерпнул жидкой грязи, размазал её по дымящемуся комбинезону и рявкнул:

– Сидим! Не лезем! Наше дело – фургон!

Ничего этого я не услышал, лишь прочитал по губам. Раньше о таких своих талантах и не подозревал даже, а тут чётко понял – наверное попросту за налётчиками гоняться не хотел. Там ведь не только снайпер, там ещё как минимум один оператор уцелел. А у меня контузия, голова кругом идёт и блевать тянет.

Зараза...

Глава 5

Откуда именно прилетела шаровая молния, я попросту не заметил. Оно и не удивительно, поскольку мне было откровенно не до того – изо всех сил пытался перебороть дурноту.

Но если я к резкому всплеску энергетических помех оказался не готов, то Евгений Вихрь был начеку. Он вскинул руку, и тут же что-то взвыло над нашими головами, а миг спустя оранжевый росчерк прошёл впритирку с фургоном, угодил в здание цеха и расплескался по стене брызгами безумно горячей плазмы. На нас даже повеяло тёплым воздухом.

– Прикрывайте! – крикнул Унтер и перебежал к обрушенной взрывом секции забора, но только попытался заглянуть во двор мастерской, и силовой выпад снёс на него остатки ограды.

На пластуна обрушились кирпичные обломки, и вновь – помехи! На сей раз энергетическим зарядом выстрелили с такой силой, что выставленный Вихрем полог прошило словно бумажный лист. Скорость оказалась слишком высока, и я вновь сплоховал, не сумел вовремя перехватить плазменный шар. Ладно хоть при столкновении с силовым экраном тот частично потерял стабильность и не пробил днище перевёрнутого фургона, а сдетонировал при ударе. По металлу побежало пламя, вспыхнуло натёкшее из перебитого топливопровода горячее, зачಾದили резиновые покрышки, и Вихрь гаркнул:

– Туши! – А сам изловчился и взорвал очередной плазменный заряд в десятке метров от нас.

Хлопнуло! Болезненно ударила по ушам ударная волна, и я матерно выругался, на судорожном вдохе втянул в себя с десятков килоджоулей и сразу же направил сверхсилу на нейтрализацию тепловой энергии.

Тушить и охлаждать – это просто! Лишь бы только не рванул бензобак...

Иван и Глеб принялись садить длинными очередями из автоматов – не иначе заметили, откуда шарашил по нам шаровыми молниями оператор. Быть может, даже прижали его, поскольку больше тот никак себя не проявил.

Отбились!

Как выяснилось немного позже, фугасный заряд не заложили загодя на обочине, а доставили в нужное место на телеге. При взрыве погибли шофёр вездехода и наводчик пулемётной установки, второго номера выкинуло из машины ударной волной, и он отделался переломами. Впрочем, «отделался» – это всё же не совсем то слово. Обширные повреждения внутренних органов запросто могли свести его в могилу задолго до приезда скорой, и хоть прежде мне работать со столь серьёзными случаями ещё не доводилось, я прыгнул выше головы и сумел худо-бедно стабилизировать состояние раненого.

Остальные пострадали не так сильно. Водитель инкассаторского фургона дышал через раз из-за сломанных рёбер, Алик отделался сотрясением, а Унтер в самый последний миг успел отскочить от рухнувшего забора – его лишь зацепило кирпичными обломками, но не завалило. Поднявшись на ноги, он покряхтел, распрямился и проворчал:

– Стар я для всего этого...

– То, что не убивает оператора сразу, не убивает его вовсе! – напомнил я, смахнув с лица пот.

Седоусый пластун потёр поясницу и покачал головой.

– Видал я несколько случаев, когда уж лучше сразу в гроб. – Он глянул на сослуживцев и возмутился: – А вы чего уши развесили?! Глеб, ты двери фургона вынес, пломбы сорвал, так руки в ноги и бегом сохранность материальных ценностей обеспечивать! Ваня, тоже под-

ключайся. Сейчас такая кутерьма завертится, что десяток мешков умыкнут, никто и не заметит даже!

И вот касательно кутерьмы Унтер оказался совершенно прав – закрутилась, и ещё какая! Сначала примчалась на легковом вездеходе манёвренная группа, следом – сразу две кареты скорой помощи. Дальше подтянулись бойцы комендатуры, ну и без следователей и высокого руководства тоже не обошлось. Шутка ли – такое ЧП!

В больницу увезли только водителя инкассаторского фургона и второго номера пулемётного расчёта, остальным взялись оказывать первую помощь прямо на месте. На месте и опросили – это если первый раз.

Слух у меня к этому времени восстановился достаточно, чтобы не приходилось общаться на языке жестов, когда дали команду перебазироваться в следственный дивизион, я перехватил у служебной машины Евгения Вихря и спросил:

– И что говорят?

Тот пожал плечами и скривился, но от раздражения или боли, разобрать не удалось.

– Похоже, нас грабившая инкассаторов банда в оборот взять попыталась.

Я припомнил свою работу в комендатуре и кивнул, но всё же не преминул уточнить:

– И что не так?

Вихрь хмуро глянул на меня и хмыкнул.

– Всё так, – признал он. – Только зачем было под конец пытаться фургон поджечь? В него ведь метили, не в нас!

На миг задумавшись, я оказался вынужден признать правоту собеседника, быстро огляделся по сторонам и уточнил:

– Считаешь, хотели документы спалить?

– Определённо хотели, – кивнул контрразведчик и усмехнулся, – только не те, о которых ты подумал. Мы в банке бухгалтерские книги изъяли, по ним кое-какие денежные потоки отследить можно. Думаю, в этом всё дело. Но это между нами. Не болтай.

– Само собой! – заявил я и задумался, каким именно образом налётчики пронюхали о прибытии груза в Новинск.

Совершенно не важно, было целью нападения уничтожение некоего компромата или же грабители намеревались сорвать большой куш, без наводчика в любом случае не обошлось.

Впрочем – не моя забота. Не стоит даже голову себе этим забивать – один чёрт, всей картины не вижу.

В штабе ОНКОР нас промурыжили часов до двух дня, оттуда отправили в горбольницу на медобследование для принятия решения о дальнейшей госпитализации или же немедленном возвращении в строй. Со мной именно так и случилось: лежал немного в одной палате с остальными, съел картофельное пюре с паровой котлетой, выпил компот, да и отправился на дежурство. Впрочем, по его завершении пришлось вернуться обратно. На ночь меня всё же домой не отпустили, поскольку кого-то из эскулапов смутил размер украсившей лоб шишки.

– Да завтра от неё и следа не останется! – возмутился я.

– Вот завтра и выпишем! – резонно прозвучало в ответ.

В итоге из всех нас покинуть больницу позволили одному только Евгению Вихрю. При взрыве фугаса его прикрыла защитная структура, а от прожарки плазменным выбросом спасло моё своевременное вмешательство. До выписки я успел обсудить с контрразведчиком технику, которая позволила ему взрывать пули, но ничего полезного из этой беседы для себя не почерпнул, поскольку реализация столь сложных схем выходила за рамки моих нынешних возможностей.

Впрочем, так уж сильно этому обстоятельству я не расстроился. Сказать по правде, не расстроился вовсе. Жив и почти здоров, с энергетикой полный порядок – этого разве мало? А со структурами ещё разберусь, всему своё время.

Звонарь заглянул в нашу палату уже перед самым отбоем. Алик пластом валялся на койке, Глеб с Иваном затеяли игру в карты, а я растолковывал Унтеру, спина которого превратилась в один сплошной синяк, технику ускорения регенерации, когда распахнулась дверь, и к нам вошёл Макар Демидович.

– Сидите-сидите! Не вставайте! – разрешил он, с интересом всех оглядел и вдруг спросил Глеба: – А вот, объясни мне, молодой человек, каким образом ты смог вынести бронированную дверь фургона, если способности к оперированию сверхэнергией до сих пор остаются исключительно латентными?

Глеб Клич смущённо потёр шрам на щеке и признался:

– Испугался сильно. Темно, душно, будто опять в нихонской душегубке очутился, ну и получилось как-то само собой...

– Интересно, – отметил Звонарь и указал мне на дверь. – Пётр, на пару слов...

Мы вышли в коридор, и там Макар Демидович заявил:

– Я ещё поговорю об этом с Сутолокой, но и сам подумай о придании учебному процессу дополнительной остроты. Условия приближенные к боевым послужат хорошим стимулом для развития сверхспособностей. – Звонарь глянул на меня и сказал: – Честно говоря, из отчёта так и не понял, каким именно воздействием ты достал пирокинетика, что его так разметало.

– Деструктивным и дистанционным, – пояснил я. – А разметало его из-за того, что резонанс вразнос пошёл. Но это уже больше Вихря заслуга.

Макар Демидович выпросил у меня подробности и несколько разочарованно даже протянул:

– Ах вот оно что! Выходит, просто повезло, что с пирокинетиком столкнулись. У них извечные проблемы с самоконтролем, что есть – то есть. Кого другого, вполне возможно, и не проняло бы. Но вообще техника интересная, попробуй до ума её довести. Концентрированный выплеск сверхсилы в противофазе вкупе с деструктивными вибрациями может оказаться на ближней дистанции достаточно эффективным. Подумай об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.